

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

На руках луна свернулась

СТИХИ

Составитель – Н.Н. Калашников

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Н 12

На руках луна свернулась : стихи / составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 108 с. : рис., фото

©Рисунок на первой странице обложки – К. Егорова

©Рисунки в тексте – Кортика

Фото Сергея Загнухина и Валерия Колотвина

Марина АВДОНИНА

Стальное сердце

Я сердцу прикажу – железным стань,
Я сердцу прикажу – про все забудь.
Не сломится под тяжким грузом сталь,
А если и согнется, то чуть-чуть.

Не знает сталь ни смеха и ни слез,
Ей безразлично – нежность или боль,
Ей ни о чем жара или мороз;
У стали есть предназначенье – бой.

Бой тяжек и опасен – не беда,
Клинок в бою сломается – не жаль.
Сталь не растает, как кусочек льда,
И в смерти сталью остается сталь.

Звенит мой меч, и топчет травы конь,
Затянута багровым дымом даль.
Пусть ветер битвы жарок, как огонь, –
В нем лишь закалку обретает сталь.

И смерть бежит от тех, кто ищет смерть...
А после битвы горечь и печаль
Приходят вновь – от них защиты нет;
Нет даже слез – не может плакать сталь.

Нет смерти, но и жизни тоже нет,
И тишина страшней, чем гром войны...

Сумеет ли в душе зажечься свет,
А сердце – стать живым, а не стальным?

Песни ветра

Как часто там, где блеск теряли свой
Клинки мечей, окрашенные кровью,
Слетала смерть, не дав закончить бой
И песню оборвав на полуслове.

Но смерти вопреки, назло врагу
Не оставалась песня недопетой –
Последним вздохом с неподвижных губ
По ветру уносилась песня эта.

Съедали память ржавчина и тлен,
И забывались битвы и победы,
А ветер все искал по всей земле,
Кому бы эти песни мог поведать...

На ярмарочной площади запел
На древнем языке певец бродячий,
И слов понять не мог никто в толпе,
Но все стояли, слушая и плача.

И кто-то, кинув в шапку медный грош,
Спросил потом с неловким интересом:
"Поведай нам, певец, о чем поешь?
Мы не слышали раньше этих песен."

А он молчит. Забыты те бои,
Где эти песни были недопеты.
"Не знаю. Эти песни не мои.
Не знаю, чьи. Быть может, песни ветра."

Баллада о свече

Ночь длинна. Глухой, недобрый час.
Но горит, горит средь мрака пламя,
И прозрачным воском, как слезами,
Истекает тонкая свеча.

А огонь мелодией звучит,
В ней не слышно боли и печали.
Пламя золотистое венчает
Голову танцующей свечи.

"Истинная жизнь свечи – гореть,
Разгоняя мрак и холод ночи.
Пусть фитиль становится корочке;
Светом стать – не значит умереть."

Дрогнет тонкий язычок огня,
Танец оборвется, дунет ветер –
И лишь воск растопленный осветят
Блики наступающего дня.

...Вновь над миром нависает мгла,
Воздух с едким дымом перемешан;
Насмехаясь над свечой сгоревшей,
Тени выползают из угла:

"Мы теперь сильны! Настал наш час!"
...Но сияет пламя золотое,
Ярко-алым воском, словно кровью,
Истекает тонкая свеча.

ЗВЕЗДОПАД (битва при Эндоре)

А с небосклона
Бесшумным дождем
Падали звезды...
В.Высоцкий.
Если падает звезда – значит, кто-то умер.
(примета).

Мне этот день не забыть нипочем:
Было сражение грозным,
В черном пространстве бесшумным дождем
Падали звезды.

Ярко расцветили космоса ночь
Лазерных вспышек нити,
Смерти Звезда, как слепое пятно, –
Прямо в зените.

В битве под этой зловещей Звездой
Стоит ли ждать удачи?
Только нельзя нам не выиграть бой –
Как же иначе?

Как в фейерверке огня мошкара
Кружатся эскадрильи.
Вспышка – и стали пилот и корабль
Звездною пылью.

Были секунды длинны, как года...
Взрыв полыхнул беззвучно –
Стала сверхновой Смерти Звезда,
Огненной тучей.

Вот и салют прочертил облака
Огненно-ярким следом,
Но не могу я поверить никак
В нашу победу.

После истории пусть воспоют
Славу и честь героям,
Только из дюжины в этом бою
Выжили трое.

Выстрел шальной опалил мне крыло,
Двигатель тянет еле,
Но все равно нам с тобой повезло –
Мы уцелели.

Ты под счастливой звездой рожден –
Что ж на ресницах слезы?
Падали звезды бесшумным дождем,
Падали звезды...

Гражданская война

Поминальным костром разгорается вечер –
В память горьких потерь уходящего дня.
И свинцовую тяжестью давит на плечи
Невесомая – прежде казалось – броня.

Я не помню событий минувшего боя:
Осторожничал я или лез на рожон?
Только вижу отчетливо я пред собою
Лица тех, кто в бою этом мною сражен.

Незнакомые лица, знакомые лица...
Так нередко бывает в гражданской войне:
Очень трудно заранее определить –
Кто стреляет в кого, кто на чьей стороне.

Я от страха дрожу запоздалого или
То меня от прохлады вечерней знобит?
Бой окончен. И кажется, мы победили.
Отчего же я жив, почему не убит?

Виртуалы

Лижут волны каменную пристань,
Горизонт рассветный тускло-сер.
Не плыви на остров Монте-Кристо,
Не ищи там потайных пещер.

Зелен изумруд, рубины – алы...
Можно натворить таких чудес!
В Интернет выходят виртуалы,
Позавидуй нам, Эдмон Дантес!

Краток карнавал веселый в Риме,
В Интернете – вечен маскарад.
Если розе дать другое имя,
То иным ли станет аромат?

Если дать ослу ученый титул,
Станет ли осел хоть чуть умней?
О аббат Бузони, отпустите
Грех творенья виртуалов мне!

Веселись, Андреа Кавальканти,
Шутки строй, да помни наперед:
В знаниях, способностях, таланте
Виртуал тебя не превзойдет.

Но дерзай, твори – тебе, быть может,
Породить удастся новый миф...

Остров Монте-Кристо расположен
В полусотне миль от замка Иф.

Песня-птица

Кто мне скажет, то быль или небыль?
То ли прошлое, то ли мечты...
Помню синее-синее небо,
Белый город, фонтаны, цветы,

А вокруг меня – добрые лица.
Я так весел, беспечен и юн,
И парит надо мной песня-птица,
Вторя звону серебряных струн.

Так я пел о героях балладу.
Подошел незнакомец ко мне,
Посмотрел мне в глаза – и от взгляда
Холодок пробежал по спине.

Он сказал: "Вы красиво поете,
Только здесь вас навряд ли поймут:
Ведь герои теперь не в почете,
Нет давно здесь ни войн и ни смут.

Это только в балладах и книжках
Все так просто и вроде легко..."
Я тогда был наивным мальчишкой,
Бредил славой минувших веков.

И, уняв в своем сердце тревогу,
Я спросил: "И к чему этот спор?"
Он ответил: "Я знаю дорогу
В мир, где властвует Зло до сих пор.

Вы готовы со Злом тем сразиться
Острым словом и острым мечом?"
Я кивнул. Замолчав, песня-птица
Опустилась ко мне на плечо.

Человек усмехнулся лукаво
И за руку меня ухватил:
"Что ж, вперед! Ожидает вас слава.
А оружие добудем в пути."

От ворот протянулась дорога
До границы земли и небес.
Мы по ней прошагали немного,
Обернулся я – город исчез.

За спиной моей тоже тянулся
Тракт – до грани небес и земли.
Проводник мой опять усмехнулся:
"Вы ведь сами со мною пошли."

Он был прав. Что я мог тут поделывать?
И за ним я покорно побрел.
В небе солнце недвижно висело,
И кружил над дорогой орел.

Был ли путь наш далеким иль близким,
Сколько длился он – счесть я не мог.
Помню огненно-жаркие искры
В кузне у перекрестка дорог.

Там ковали оружие и латы,
Там звучала невнятная речь.
Там отдал я гитару в уплату
За тяжелый сверкающий меч.

И дорога вновь лентою узкой
Нам под ноги стелилась, пыля.
Солнца свет стал вдруг серым и тусклым,
Серой коркой покрылась земля.

Среди поля сгоревших колосьев
Мы стояли. Горсть пепла в меня
Ветер, дымом пропитанный, бросил,
Горько плача, кого-то кляня.

И растерянно: "Что же мне делать?" –
Я спросил. Но услышал в ответ
Лишь молчанье. Вокруг поглядел я –
Ни дороги, ни спутника нет.

Лишь селенья сожженного трубы
К серым тучам тянулись вдали.
Пересохли, потрескались губы,
Перепачкались руки в пыли.

Зря в балладах, в сказаниях старых
Я поддержку и помощь искал:
Больше не было звонкой гитары,
Рассыпалась без смысла строка.

Закричав от тоски, как от боли,
Песня-птица вспорхнула с плеча,
И остались лишь ветер да поле,
Да у пояса – тяжесть меча.

Шут и менестрель

Ниенне

Ты перед троном короля поешь,
А я сажу на мраморных ступенях
И пристально смотрю в лицо твое.
Обманчив свет свечей... Танцуют тени...

Где раньше видел я тебя? Во сне?
Твои черты до странного знакомы.
А ты поешь о горе, о войне,
О вдовах, стариках, лишенных дома...

Войну я помню... Был убит отец,
Был дом сожжен, и мать скончалась рано.
Я помню, у меня был брат-близнец,
Да увязался за певцом-цыганом.

А я... Я стал шутом при короле,
Узнал, чем двор живет... О боги, боги!
Я много раз уж горько пожалел,
Что не подох в канаве у дороги.

В подвалах тайных, где огонь и тьма,
Земля на локоть пропиталась кровью.
Чтоб не сойти от ужаса с ума,
Я выучился смеху и злословью...

Поешь ты, глядя королю в глаза;
"Властитель, ты жесток!" – гласит баллада.
Вот так же я вчера ему сказал,
И пять плетей досталось мне в награду.

Рубцы от плети быстро заживут,
Не в первый раз мне получать побои.

Ты – менестрель, я – королевский шут;
Что общего меж мною и тобою?

Твоя судьба – гитара и венец
Лавровый иль терновый, честь и слава.
А мой удел – колпак да бубенец,
Да злых насмешек горькая отрав.

Тебе – дорога дальняя, а мне –
Лишь лабиринт дворцовых коридоров...
А ты запел балладу о стране,
Где ни вражды не знают, ни раздоров.

Как ты поешь... Соленая вода,
Песчаный берег, ветер, крики чаек...
Я этого не видел никогда,
Так отчего ж душа полна печали?

И зал подернут странной пеленой,
Хоть я давно уж разучился плакать...
Пой, менестрель!.. нет, замолчи, не пой:
Тебе грозит за эти песни плаха.

Ты смолк... Какая вдруг настала тишь,
Как будто в зале нас осталось двое.
Ты пристально в лицо мое глядишь,
Как в зеркало... как в зеркало кривое.

Знак меча

Я – память ушедших в седые преданья времен,
Я – ветер, что треплет обрывки легенд и знамен,
Я – гулкий набат, что врывается в мирные сны,
Я – серп, что собирает кровавую жатву войны.
Я – песня победы, оплаченной страшной ценой.
Я – алое пламя, что лик опалает земной.
Я – перст, указующий путь, я – прообраз креста,
Я – ветер, я – пламя, я – меч, я – разящая сталь.

Полигон

Полигону Горловских Игр

Окончится наша Эпоха. Забудутся Игры.
Исчезнет из памяти слово само – "полигон".

Пробьются сквозь почву травинки зеленые иглы,
И будет гудеть над прудами лягушечий стон.
Дубки молодые на месте кострищ наших встанут,
Развалится мост, пересохнет совсем озеро...
И кто-то однажды, с тропинки свернув на поляну,
Увидит вдруг отблеск в траве и поднимет – Кольцо.

Фильму "Властелин колец"

Вы помните – полон был ветер, листавший страницы,
То шелестом трав и напевом о светлой печали,
То топотом конским и звоном отточенной стали?
По бликам зеленого солнца в глазах и на лицах
В те дни мы друг друга легко среди толпы узнавали.

Мы с миром волшебным освоились мало-помалу.
Но ветер нездешний нельзя удержать, заарканив,
Зеленое солнце носить невозможно в кармане.
Все вроде как прежде – а чудо куда-то пропало,
И некого даже винить в колдовстве и обмане.

Что ж, разве раздуешь из пепла остывшего пламя?
Мы нового чуда от сказки привычной не ждали.
Но вот меркнет медленно свет в переполненном зале,
И ветер нездешний с экрана летит над рядами,
Неся с собой шелест листвы, звон отточенной стали,

И стены огромного зала дрожат от аккордов,
Как Крепости Белой врата от ударов тарана...
Вы рано надежду хороните, слышите, рано!
Ведь живы отвага и верность, и радость, и гордость...
Зеленое солнце восходит над кромкой экрана.

Предсказание

*Танаке Ёсики по прозвищу
"ядовитый гад", автору
"Легенды о героях галактики",
убившему 80% своих персонажей*

Когда покинет этот мир Танака,
Покоя не найдет он на том свете –
Ведь за порогом, за чертою мрака
Его толпою персонажи встретят.

Одни в пробитых штурмовых доспехах,
Другие в окровавленных мундирах.
Стоят и ждут безмолвно. Им не к спеху:
Не властен ход времен за гранью мира.

На автора взирают персонажи
С немым укором на застывших лицах.
Кто первым слово обвиненья скажет
Писателю – создателю, убийце?

Расступится толпа и даст дорогу
Худому невысокому брюнету.
И скажет тот: "Зачем вы так, ей-богу?
Ну да, понятно, логика сюжета..."

И автор не во всем, конечно, властен,
Но можно хоть немного... человечней?"
Посмотрит на собратьев по несчастью,
Махнет рукой, слегка ссутулит плечи,

Печально головою покачает
И волосы рассеянно взъерошит.
"Да ну его... уж лучше выпить чаю.
Здесь вкусный чай. И бренди здесь хороший."

Анна АМЕЛИНА

Воздух, вспоенный синевой,
Март – увенчан надеждой новой...
Я такой вот шальной весной
Не могу надышаться вдоволь.

Странно – этот нелегкий путь
Мне позволил опять быть рядом,
И по капельке – ах, чуть-чуть –
До тебя дотянуться взглядом...

Я б хотела тебя позвать,
Да покой не могу нарушить...
Но – успею ль свою сдержать
Опьяненную небом душу?

Непокрытая голова –
Растрепал мои пряди ветер...
Что ж, весна, ты опять права –
Не всегда надо ждать ответа.

Зима заберет в полон,
Озlobится – и устанет.
Под ставень железных звон
Отречься, остыть, ославить...

По старой привычке – жить,
Без воли, без слез, без страсти,
Забиться – но не забыть...
И карты пиковой масти

Букетом легли в ладонь,
Болезненных снов предтеча.
Меня мотыльком огонь
Закружит в разбойном смерче,

Но встречу тебя в стране
Обугленных декораций –
Окликнешь... Что делать мне?
Услышать. Простить. Остаться.

Солнце плавало монетки в руке,
Разливало серебро по реке...

Я от милого немилость приму –
Не пришлись, увы, по сердцу ему

В душу вбрызнувшая страсть птичья трель
И закатного луча канитель.

Не слубилось, не сошлось – не стерпел,
А в награду мне оставил – успел –

Горсть речного серебра – мол, держи!
Вот и плата за любовь да за жизнь.

Что ж, моим подарком станет огонь,
Опаливший на прощанье ладонь –

То в не знающих пощады руках
Догорело сердце в пепел и прах –

Чтоб в одну цепочку больше не вить
Две весны, две встречи, две нелюбви.

Не знать, не ждать, не верить – и не мучиться.
Забудь.
Не плакать – эти весны не получится
Вернуть.

Ни за туманы, ни к родному берегу
Не плыть –
Нечеткость силуэта корабельного
Не скрыть

И на попутный ветер не надеяться...
Уйти.
Полночный жар – и боль – в любовь не склеется,
Прости.

Нестройными не осыпаться мыслями
В закат.
Не сделать шага до транзитной пристани –
Назад,

Считать дождинки на осколке с именем
Не тем...
Не сильная, чтоб утром ввысь – и в синее.
Зачем...

Уже не выдержала луна,
И день рассыпался облаками...
Наполовину в бокал – вина,
Мешая хмель с давними стихами.

Пролиться просят дождем слова,
Томятся рифмы в плену у боли –
Да снова кружится голова
От неумения петь в неволе.

На этой призрачной стороне
Так виртуозно терзают сердце
Напевы флейты – то Муза мне
Насмешливое играет скерцо.

Чернильной кляксой упала ночь,
И кличет вкрадчиво тьма в дорогу...
А я с ней сердце отправлю прочь.
Жива, любима – и слава Богу.

Пошатнется – в раздумье – звезда,
Ночь предложит полынной настойки...
Вновь услужливо память предаст –
Я блуждаю в том вечере горьком...

Как забыть? В том туманном краю,
Где о скалы закат разбивался,
Он отринул надежду мою,
Так легко от нее отказался.

Взгляд – да может ли быть холодной?
А слова все пропитаны болью...
Он уходит с тоскою своей,
Мне ее разделить не позволив.

Простонала, сорвавшись, звезда,
Сердце бьется все реже и тише...
Я ему прошептала бы "да",
Только он не захочет услышать.

Вместо солнца наверху снова прочерк,
по утрам привычно стылло и хмуρο –
это жизнь я подгоняю до точки,
мне навязанной твоей корректурой.

Ты твердишь, что наше высохло русло,
что я трачу драгоценное время,
что набившее оскомину "чувство"
не относится к заявленной теме...

Что, похоже, меж двумя берегами
расстоянье не найдет себе равных,
что мосты снесло последним цунами,
а паром полгода как неисправен...

Мол, пора уже, все тщательно взвесив,
эту сагу повернуть к завершенью...
Я сию все так же ровно на месте
и как данность принимаю решение,

позабуду про ушедшее "между"
и, готовая зиме подчиниться,
для тебя я остаюсь, как и прежде,
лишней сноской на исходе страницы...

знаешь, Господи, мой город тяжело болен –
он измучен затянувшейся лихорадкой
и мечется в бреду между «смирно» и «вольно»,
забыв словосочетание «все в порядке»...

видишь, Господи, моему городу плохо –
он полон скучных мужчин и уставших женщин,
захлебывается кашлем, считает вдохи,
а выдохов по дефолту каждый раз меньше...

помнишь, Господи, – на воротах надпись «открыто»,
даже не обязательно было стучаться...
мой город уже не может читать молитвы
и только беззвучно просит Тебя остаться...

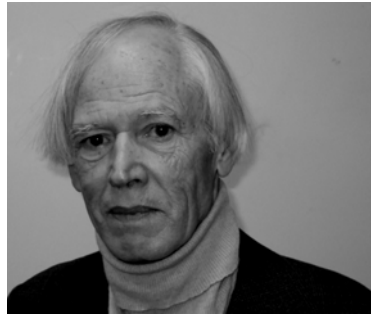

Василий АНТОНОВ

Опрокинь на мир черную краску,
Нарисуй на ней новые звезды,
А под ними – свой дом и скамейку.

Ты – творец своего мироздания,
Ограниченный только создателем,
Пусть и нет до него тебе дела.

Петр БУРМИН

Фантом
(Мой демон)

Июльским днем, гуляя по проспекту,
я ощущаю холод неземной:
то мне в затылок злобно дышит некто,
идуший тенью черною за мной.

Нет, он не призрак и не наваждение –
реален он, как бремя моих бед.
Я с ним воюю с самого рожденья.
Покуда без существенных побед.

Мы внешне друг на друга с ним похожи;
вместо меня толкаясь меж людей,
моих врагов намеренно он множит,
отпугивает от меня друзей.

Повинен он во всех моих несчастьях.
Но я не в силах одолеть его:
ведь изверг этот... неразрывной частью
является... меня же самого!

Истоки моей фантастики

Нам одежонки матери латали,
порою в школу натошак мы шли...
Но мы мечтали – как тогда мечтали! –
о путешествиях вокруг Земли.

Наш славный мир отнюдь не без изъянов –
но мы о них не ведали в те дни.
Все люди представлялись нам друзьями,
в каких широтах не жили б они.

Нам хоть разок взглянуть хотелось в лица
иноязычным сверстникам своим;
но запертая наглухо граница
нас отпустить не пожелала к ним.

Навек простившись с детскими мечтами
о путешествиях вокруг Земли,
одни еще беднее в жизни стали,
другие смысл в стяжательстве нашли.

Со мною не стряслось ни то, ни это:
наткнувшись на кордоновский запор,
мечта моя сыграла рикошетом
и унеслась в космический простор.

Я за мечтой, конечно, увязался...
Меж звезд блуждаю с давней той поры
и обживаю с гордостью хозяйской
я созданные мною же миры.

Дороги

Если б в мире не было дорог,
человек бы не потел, не дрог;
он сидел бы на скамейке парка,
где ему ни холодно, ни жарко.
Снес бы он куриное яйцо;
сделав Диогеново лицо,
поломал бы голову привычно:
что – яйцо иль курица – первично.
И сидит, случается, иной,
для чьего здоровья вреден зной
и само собой, конечно, холод,
да, к тому же, если он не молод.
Но другой отнюдь не Диоген:
у того в крови бродячий ген;
в размышленьях он не видит толку.
Потому-то он, подобно волку,

что ни день, куда-нибудь идет,
по народной мудрости живет,
по присловию – волка кормят ноги.
Третьего влекут к себе дороги
тем, чтобы, пройдя нелегкий путь,
на Отчизну издали взглянуть.

Стихи о стихах

Стихи, в которых приглушенным светом
чуть теплится неистовый заряд,
обращены к непишущим поэтам,
что заново, читая их, творят.

Мне выпретенных баллад они дороже,
куда б ни шел, с собою их беру;
они с бутоном нерасцветшим схожи
и с дремлющим младенцем поутру.

Они загадкой дивной, словно руны,
вознаградят читателей своих...
Так немы Страдивариевы струны,
Пока маэстро не коснется их.

Пилигрим

С неба цвета выцветшего ситца
жгло светило, в мареве дрожа.
Путник, страстно жаждущий напиться,
шел вослед виденьям миража.

Земли, что объять нельзя очами, –
с горизонта до другого вплоть, –
сам он превратил в алтарь печальный,
где дымилась жертвенная плоть.

Меж барханов он нашел колодец,
мог бы сделать у него привал...
Но колодец для питья не годен –
он в него однажды наплевал.

Наконец, измученный жестоко,
путник вышел на берег крутой
грязного широкого потока;
посмотрел он на берег другой.

Берег тот являлся благодатным
садом, равным Раю самому;
но, к несчастью, пилигрим когда-то
сжег мосты, ведущие к нему.

Химеры

Наш век мгновеньями измерен,
как жизнь весенних эфемер;
и тот, увы, мы дарим вере
в существование химер.

Мы – от велика и до мала –
упрямо верим в чудеса,
надеясь, что, сияя алым,
придут за нами паруса.

Во сне мы ласточками реем,
светим мечтою путь во мгле
и строим замки в эмпиреях,
а балаганы – на земле.

Пора, затеплив богу свечи,
молить о милости небес –
мы все надеемся на встречи
фольклорных принцев и принцесс.

Живем мы грезами и снами,
боимся яви, как чумы;
любили б тех, кто рядом с нами –
любимы были бы и мы.

О нашем заблуждении

Науке служим правдой мы и верой.
Но наша правда с верой стоят грош:
мы знаем мир в пределах атмосферы,
о том, что дальше, – изрекаем ложь.

Пока земляне, стало быть, похожи
на тех незрячих праздных чудаков,
что спор ведут о цвете глаз и кожи
прохожих дам по... стуку каблучков.

Мир не оранжерейный и елейный,
а подлинный откроется вокруг,
когда мы выйдем на простор Вселенной
и истину возьмем из первых рук.

Звездный свет

От преодоленного пространства
выстыли небесные лучи:
как глаза покойника, бесстрастно
смотрят звезды на Землю в ночи.

Некогда светила излучили
сей бесплотный, анемичный свет,
что в безмерной мировой пучине
шел транзитом миллиарды лет.

То оставил след с неярким блеском
Взрыв Большой, что создал этот мир
далеко не за семь дней библейских,
а всего лишь... за единый миг.

Хомо футурус

В ближайшем веке явятся гиганты,
неся в себе всеобщий идеал –
ожившие прекрасные атланты,
которых древний скульптор изваял.

Не будет у потомков с нами сходства,
как между совершенством и уродством:
у эволюции неистощим запас –
она не остановится на нас.

Прорехи залатав в озонном слое,
они объявят хаосу табу;
помянут нас, увы, недобрым словом,
что повернемся – мертвые – в гробу.

Искусство будет править этим миром,
что, надо думать, вовсе неспроста:
для тех, кто нам наследует, кумиром,
верховным богом станет... красота.

Миф

Я не был в храме Артемиды
и из завистливой обиды,
как Герострат, его не жег.
Но я готов сойти к Аиду
за пару стихотворных строк.

Я выпил жизнь глотком единым
и, судя по моим сединам,
давно для мудрости поспел.
Однако песни лебединой
я далеко еще не спел.

Жизнь человека скоротечна,
но я, спокойный и беспечный,
все не пишу заветных строк...
как будто мне подарит вечность
Мафусаилов долгий срок.

Истины

Что нет готовых истин под рукою,
что их скрывают толстые пласты –
факт, найден археологами, кои
всю землю перерыли, как кроты.

Астрономы с лопатой-телескопом
работают в космической дали;
свои нерукотворные раскопы,
они ведут в реликтовой пыли.

Туманностей рассеянных остатки,
что свет звезды пронзает на пути,
Эйштейновы и прочие константы
им помогают истины найти.

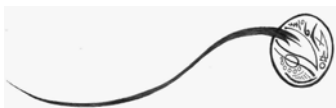
Специалисты нам открыли вежды
на космос дальний и планеты в нем;
их заселили монстрами невежды,
которых мы фантастами зовем.

Артем ВЯЗЬМИН

Вечный покой

Здесь никто никого не боится,
Здесь отсутствуют злоба и ложь.
Правда жизни в кошмарах не снится,
Не таится в ночи чёрный нож.
Здесь добро, чистый свет и веселье,
Каждый жест, каждый звук свет несут.
Здесь все те, что в аду не сгорели,
Этот мир люди раем зовут.
Все стремятся попасть в это место,
Но «счастливец» никто не поймёт
В час, когда погребальный оркестр
Проиграет последний аккорд.
Тем, кто жив, не понять этой муки –
Без потерь, без разлук, неудач
Коротать ВЕЧНОСТЬ целую в скуке –
Это пытка, и Бог в ней палач.
Так зачем люди молятся в храмах?!
Чтобы всем им был ВЕЧНЫЙ покой?!
Да гореть лучше в адских пожарах,
Чем в раю сидеть куклой тупой!
Зло – оно ведь всегда толерантно
К тем, кто тоже обуглен душой.
Да и нет хуже пыток у ада,
Чем у рая тот ВЕЧНЫЙ покой...

Александр ГОЛОВКОВ

В животном мире царствует весна.
Все рассужденья о душе – халтура.
А правда жизни зрима и ясна:
Она – звериная натура.
Мой милый, ближних не люби:
Кто ближе, тот верней укусит.
А если он кусаться трусит,
То ты его поймай и съешь.
Здесь воздух сладок так и свеж –
К пищеваренью расположен.
Мир лицемерно прост и сложен.
Доверься опытному мэтру:
От скверны мыслить излечись,
Однако, навыкам учись –
Кусаться, лаять, нос держать по ветру,
Дремать и вздрагивать от шороха в ночи...
Пусть ты не создан говорить, но не молчи:
Визжи ли, квакай, хрюкай иль рычи –
Кто громче звуки производит, тот серьезней.
Но если ты услышишь окрик грозный,
То лучше хвост поджать и убежать.
Словами сильного не надо убеждать.
И если пасть твоя мала, то не зевай.
Ты это тоже, мой звереныш, знай.
Законы джунглей устремись постичь.
Во-первых, намотай на ус, ты – дичь.
В животном мире ценны кость и шкура.

Знай, человек – карикатура
На все обилие зверей,
И пусть его широкая натура
Не портит вида местных дикарей.
Знай, дух любви в животном мире вреден:
Как хорошо б ни пел нам соловей,
В конце концов он тоже будет съеден.
Не важно, что душа порой болит –
Коль бог животных нам благоволит,
Отдайся воле вышней мазохизма,
А бреднями людскими коммунизма
Извилин редких мозга не питай.
И человеком стать ты не мечтай:
Поверь, судьба зверей не так капризна.

Дарья ДЕДКОВА

А я как тот сорвавшийся листок,
Холодный ветер прочь его уносит,
И в дом мой незаметно вкралась осень,
Дождя с небес низвергнулся поток.
А я – как эти капельки дождя,
И участь мне дана совсем простая –
Пройти свой путь от края и до края,
Чтоб дух мой забрала в себя земля.

Чуть шурша оседают листья.
Чуть печальнее горизонт.
Это осень зовет нас к жизни,
Чтоб о смерти прочесть закон.
По дороге сверну направо.
Машинально. Без всяких дум.
Позади – заблуждений лава,
Впереди – только пыль и шум.
Не гляди так насквозь, прохожий,
Светом глаз пустоту не жги.
Мне сегодня никто не сможет
Разогнать горький дым тоски...

Вечная память на вечной дороге.
Рельсы времен под копытами сникли.

Небо осталось и солнца немного.
Да, и еще – журавлиные клики.
Будто ножом по стеклу и по нервам,
Будто в огне, не сгорая, затихнуть.
След от ожогов на мне и на стенах, –
Хоть бы потише и хоть бы не крикнуть...

Сполз мой нимб, превратился в пояс,
Ты вчера мне его расстегнул...
Я от царских почестей скроюсь,
Мне лучше не трон, а стул.
Не смотри на меня, я спичка,
От которой свеча заплачет.
Я – лишь собственная привычка,
И не пробую жить иначе.

Долой провожатых! Я в ночь уезжаю.
Простите меня – я вас тоже прощаю.
Пуускаю на ветер все, что было ценно.
А дальше – дорога, дорога... Наверно...
Да, может, ошиблась. Но я все же циник.
Не плачу, когда на прощаниях клинит.
Смеюсь. Я сильнее. Сильнее, чем боги.
Но все же – зачем эта тяжесть дороги?

Она любила горький шоколад
И желтый цвет в букетах и одежде.
Она любила золотой закат
И каплю лжи в отчаянной надежде...
Хороший вкус при строгости манер
И красоту без привкуса кокетства.
Она любила горький шум арен
И быть ребенком без семьи и детства.
Она была заложницей игры,
Простой актрисой на публичной сцене.
И посылала душу на костры,
О зло людское разодрав колени...

По-осеннему ветер холодный
С тротуаров листву сдувает.
Я пишу твоё имя на стеклах
Потерявших дорогу трамваев...
Одеяло небесной глади
Растрепало пух облаками.
Я пишу твоё имя в тетради
Незнакомой чужими руками...
Я пишу твоё имя – привычка.
Отражение прошлого года.
Только звезды – зажженные спички –
Облетели с вечернего свода.
Где то солнце, что раньше грело?
И с какой, интересно, стати
Я пишу твоё имя мелом
На растрескавшемся асфальте?
Затеряйся – мне станет легче.
Остальное время отнимет.
Я забуду все то, что калечит,
И забуду, как пишется имя...

Я снова беру в руки краски.
Неловкой рукой разрисую
Без тени стыда и опаски
Себя – не такую... Другую...
Такую, чтоб горы свернула.
Чтоб просто играть не умела.
Чтоб в быте души не тонула.
Чтоб сердце не пачкала мелом.
Такую, какой я не стану.
Такую, в какую не верю...
За холст неуверенно встану,
Закрою все окна и двери.

Солнца кусочек на коже.
И ветер шумит устало..
Как много этого, Боже!
Как этого, Господи, мало...

Ольга ДУДАРЕНКО

А может, мы заблудились? Я наверняка не знаю,
Но очень на то похоже.
За новый приют надежды мы приняли хату с краю
И спорим: а что дороже?
Солома на этой кровле или холстина неба,
Которую треплет ветер?
А если цена одна, то как же такое вышло?
Под кровлей, снимая свитер,
Ты смотришь из теплых окон в небо. Оно все выше
И выше.
От кружева горизонта.

Боги живы, ты даже видела одного
Вчера и мельком.
На полувздохе имя произнесла его.
Не обернувшись,
Он вздрогнул. Шаг ускорил, в толпу нырнув. Всего
и было встречи.
После как фимиам курила привычный дым
табачных листьев.
А что еще ты вознесла бы? Дворам пустым
И подворотням
Молитвы гулки. Бог же перебирал листья,
У края ночи
Стоя. Тело казалось медным, и кровь текла
По жилам болью:

Смиренье билось страшно и вдребезги, стекла
Острее. Молча
Бог ждал. Ты Имя, как подобает, изрекла
И он ответил.

Мы

Как описать нас
Без пафоса, лжи и позы?
Мы сложны для стихов
И слишком просты для прозы.

Приходят, садятся рядом,
Шепчут... А я не спорю:
Может, наполнят ядом.
Может – помогут горю.
Им оно ясно, внятно:
Им объяснять не надо,
Как это неприятно –
В лад попадать неладно.
Что это – переплёсок,
И почему – беззимо...
И от чего забросок
Страшен, когда незримо.
Вы не видите? Верно:
Незачем вам пугаться,
А мне спокойнее. Скверно
Было б одной остаться.

За вздох до точки разрыва
Мне страшно. Страшно! А ты
Даешь мне руку и просишь
Ступить на край пустоты:
Удержишь ли? Дрогнут пальцы,
И жуток будет полет
Вниз – о камни и крыши,
Ввысь – о небесный лед.

На узоре покрывала
Спит заморская принцесса,

И от лунного овала
Дымкой свет над гребнем леса.
Пижма дышит поздним медом,
Волк свернулся в изголовье:
До полудня птичьим летом –
Лишь охотничье зимовье
Из жилья. Вода живая,
Запах яблок и жар-птица
Под кафтаном. Остывая,
Пар земли росой ложится.
А Иван сидит до света,
Девы рук не выпуская...
На пологом склоне лета
Дремлет сказка колдовская.

Я постигаю снова тишину,
Ее наистраннейшее обличье:
Когда после удара безразличьем
Ложится дух на новую волну.
И сердце бьется, такт не соблюдая,
Коверкая симфонию души.
А ноты... хочешь – заново пиши,
Агонию надежды наблюдая.

Ты, верно, герой легенды,
А я – откуда-то из,
Где кухонные моменты,
Стекло и ржавый карниз.
Где джинсы и «до зарплаты»,
Что можешь урвать – лови.
А ты оттираешь латы
Травой от чужой крови.
Тебе – драконы и версты,
И быть под тридцать седым...
У нас не восходят звезды:
Они проступают сквозь дым
Гнилушками на болоте.
Дворы по ночам пусты,
Рассветный дым в Камелоте
Окуривает посты.

Моим заклЯтиям вторили
Болтливые стаи птиц...
Мы – строки одной истории,
Но разных ее страниц.

Предзимнее

Анастезию. Хватит...
Ноябрь в сером халате
Метет дождем по палате
И комьями лепит лёд.
Жар у стёкол: вспотели.
Белье железной постели
Из тела тепло пьет.
Не тает корпия снега
В руках. Бессонного бега
Часов заглох пулемет.
Луна в проталине неба
Размокла крошкой хлеба
И тоже весны
ждёт.

Трасса

Гадай на картах дорожных,
Каким из сотен возможных
Маршрутов
двинуться.

Плетение перекрёстков,
Слепых дорожных отростков
И лент
свинца.

За перевалом порога
Подсушит ветер немного
Черты
лица.

Для того, чтоб торопиться, нужно ждать.
Для того, чтоб сомневаться, нужно знать.
Для того, чтобы терять – иметь.
Диалектика шаткая. Как весной – медведь...

Здесь точка бытия. Часы молчат,
Ведь неизвестны времени названья
Кузнечикам, которые кричат,
Как оглашенные.
Ни встреч, ни расставанья
Для малахита теплого травы
Нет. Вечное Произошло. Свершилось.
День седьмой творенья.
И режут птицы клочья синевы
Скользя по ней на кромке оперенья.
Пью кожей свет, и больше не нужны
Ни зрение, ни легкие, ни руки:
Впитать бы кожей эту тишину,
Еще не разделенную на звуки.

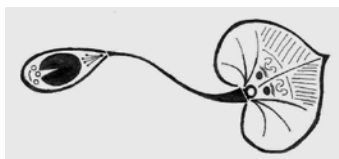
Офисное

Пью кофе. Не помогает. Четвертые сутки ночь
Приходит ко мне, босая, и шепчет: «А ты не прочь
Со мною – по гулким крышам, по скрещенным
проводам?..»
И я ступаю по звездам, звенящим ее следам.
А утром от вялых мыслей (ну кто мне, безумной, врач)
Капризные стайки чисел сбегают, как лани: вскачь.

У неба тоже есть корни: они теряются где-то,
Где на вопросы сердца у разума нет ответа.

Непозитив

За удачей по ухабам черти носятся.
От ударов ночью ноет переносица.
«От чего тебе, любимая, не спится?»
«Мой любимый, можно мне не жить,
а молча спиться?»

Сергей ЗАГНУХИН

Горная речка шумит,
Струи бегут и поют.
Что-то она говорит,
Только вот я не пойму.

Тащит тростинку мураш,
Больше себя раза в три.
Как мне не стыдно роптать:
Тяжек мой крест – облегчи.

Солнце заходит за гору,
Бабочки кружат у речки.
Слышится в говоре струй –
Близится время костра.

Бежит поток не уставая,
Не замирая на обед.
Веками отдыха не зная,
Клепсидрой Вечности для всех.

Последний солнца луч
С горы мне подмигнул:
«Ты поприветствуй ночь,
Я утром загляну».

Мокрые ели уныло стоят,
Дождик всерьез зарядил.
«В Африку, что ли подалось тепло?» –
Я у природы спросил.

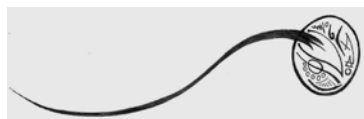
Взглядом скользнув между сосен,
В палатку Луна заглянула украдкой.
Не везёт бледнолицей подружке,
Нет ещё там никого.

Время не медлит свой бег,
Ночи приходит пора.
Рдеют уголья костра,
Прожит твой день – человек.

Горный ручей перейдя,
Ящерок с камня спугнул.
«Жаль, что прошёл мезозой», –
Взглядом сказали они.

Солнце за гору зашло,
Славно горит костерок.
Отдых заслуженный ждёт
Всех потрудившихся днём.

Вечерний сумрак,
Мир замер,
Удары сердца
Отсчитывают
Мгновения Вечности.

Константин ЕГОРОВ

Горечь

Горечь

это не оттого
что ты записала сейчас на ладони
просто ветер порывист
а поздние яблоки спят
качая круглыми головами
но ты возникаешь во мне
всякий раз
когда я подставляю
левую сторону лица
вослед уходящему солнцу
это колокол
хрустальный колокол тишины
поёт во мне
так происходит всегда
когда мы сближаем сердца
просто светит огонь травы
в сумрачном обмороке позднего дня
ты услышишь меня
я знаю
ты услышишь меня

Сияние черного бархата

Сияние черного бархата

возможно
как замыкание в круг

множества протяженностей
но в середине обнаруживаешь начало
словно берешь книгу
а ветер бежит по страницам
и от того, что в ладонях легче
потому что время приходит к тебе
как черный квадрат окно
сплетением темноты
в оружейной мастерской
можно выбирать
что по вкусу
прикосновением
на ошупь
а дары неизреченны
просто в конце жизни
угадаешь ее полноту
скалы
как холодно на побережье
вокруг никого

если мы вместимостью успокоены
если нам все равно – чет или нечет
проплывем листопадом, пройдемся, прошепчемся
во вчерашних молитвах посмотрим – не опоздали ли
зимнюю свежесть в себя протянуть, проторить бы
нам все равно, когда быть в земле упокоенным
мы и на раз, и на два не утешены пальцами
перебирающими струны надежды обманчивой
желтое пламя качает лишь сумрак обманчивый
нам в поездах, в перепутьях не встретиться сызнова
мы и себе не враги, и не пишется краешком
по горизонту небес, где смыкается с памятью
пьяное солнце надежд опечаленным набело
пишешь, и нет в этом ветреной радости
да и дурманом в тебе проплывать не торопится
небо полночное в синих морях упокоено
небо полночное синию сказкою пишется

Не оглядывайся – август
Тронул оперенье птичье.
Если ввысь – не понапрасну;
Понимаю: непривычно.
Напои свирель водицей
Талой, из апрельской лужи,
Будут снова серебриться
Наши ласковые души.

Все, что нас меж собой роднит,
В сон волшебною сказкой клонит,
К нам приходит, как невский гранит,
И уходит в невские волны.

Чехарда тебе – как вода,
Будешь пляской навеки полон.
Снова синяя борода
Чистых маковых колоколен.

Все тебе как с гуся вода –
Так умойся клюквенным соком.
Птица красная столь горда,
Сколь решителен брат твой сокол.

Кто теперь города берет
И взыскует себе поле брани,
Если в полон – без всяких хлопот,
Если бьет лишь, а больно не ранит?

По воде одни лишь круги,
А не золотиносные кольца.
С мятным грохотом сапоги,
И подкова остыть торопится...

Наталья КОЛЕСОВА

Депрессуха

Я бледна и страшна,
Никому не нужна,
Очень странной болезнью
больна.

Не излечат врачи,
Хоть кричи – не кричи.
Между миром и мной
кирпичи.

Мир кругом в сероте,
Я сижу в пустоте
И какие-то люди приходят
не те.

И в глазах темнота,
На губах немота,
И в душе, как змея, залегла
Дремота.

Не отпустит змея,
И останусь с ней я,
И глядит на меня пустота –
полынья.

Не опускал ни головы, ни глаз
Я никогда при встрече с вами.
Не провожал запавшими глазами,
Не говорил: «Я обожаю вас!»
Не било сердце яростный набат,
Не ждал ночного возвращенья,

И не просил покаянно прощенья
За что?
Не знаю сам. Я – виноват.
Я не любил вас вовсе.
Почему же
Я ощущаю ваш прошедший след –
Так смотрят желтому листу вослед,
Гонимому
 усталой
 стужей...

Пока не стает боль былого...

– Король мой, Асмур, господин, –
Сказала Ганелона. – Один с тобою на один
Мы встретились у трона.
И проклят будет тот из нас,
Кто победит другого.
А мертвый будет мертв,
Пока
Не стает боль былого.
Но рок и смерть отступят вновь,
Когда опять прольется кровь,
И эта кровь – подарок мой,
Сквозь годы посланный судьбой.
И золото моих волос
И серебро последних слез –
Все будет в памяти твоей,
Чтоб стал печальней и мудрей;
Чтобы моей любви крыло
Тебя любовью обожгло,
И чтобы ненависти плеть
Заставила твой ум гореть,
И чтобы ты не мог понять,
Убить меня – или обнять.
И чтобы потеряв двоих,
Ты плакал над одной из них.
И чтобы он, любимый мой,
Прощенье даровал собой.
И чтобы смертью смерть поправ,
Ты все же
оказался
прав...

Да жалостно
Отчего-то всё не терпится, колется
Почему-то нам не песнится радостно
Как сойдёмся
Так плетётся да кружится
Разойдёмся
Расплетается, вертится
И зачем же ты всё так перепуталось
Это кто же на грехи наши сердится?
Расступись не отступись
С перезвонами
Отслужили сентябри
Не закланялись
А нашли их в октябрях
Под вагонами
Видно пели до конца
Не раскаялись.

Песня на прощание и на встречу

Как же это мы так
Позабыли совсем
Как стоят тополя
В серебристой росе
Как ложится прохлада
На девичью грудь
Как струится от зноя
Заманчивый путь
Запоздалый оброк
Нам придётся платить
Запоздалую влагу
Опасливо пить
Запоздалые песни
Опасливо петь
И в осенних лесах
Без остатка сгореть
Но стоят в серебристой росе тополя
Распахнула
Бессмертное лоно земля
Облака, облака
Звёзды в звенистой мгле
Над землёй, под землёй
У земли

На земле
Мы вернёмся
И снова по лугу пройдем
И весеннюю песню
С собой принесем.

Обратная

Бесмысленно, но
 твёрдо возникает
На горизонте синяя гряда.
И грязный снег
 почти совсем не тает,

Не шелохнется воздух
И сверкает
 по колеям
 промозглая вода.

Свинцовый день
Без края и начала.
Свинцовый свет —
 сплошное приближенье,

Свечение, дрожанье
 и скольженье
И отраженье лошадиных глаз

 на облаках
 спустившихся на нас.

Молитва пограничника

Господи!
Не оставь своего бунтаря
Не оставь пограничника тени
Когда я стою, обратив лицо
К обжигающим океанам
Жара и стужи
Подняв в руке призрачный меч

Не оставь меня
Когда сердце моё раскалывается надвое
Когда я не смею кричать
Когда смею смеяться лишь
В лицо судьбе
Поднимая своё оружие
Которое никогда не будет пушено в ход

Не оставь меня
Идущего своею тропой
Неизвестной даже мне самому
Настигающего
Останавливающего
Сражающегося
Словом моим, которое не моё

Господи!
Мне неизвестно имя твоё
Мне неизвестно имя моё
Но звуки этих имён
Поют во мне
Наполняя ночь тревогой
А день действием

Ты видишь?
Я наг пред тобой
И босы ноги мои
Ступающие по острым камням
Но путь мой
Проходит сквозь шум ветров
И не покрыта моя голова

Ты видишь
Я знаю исход
Но и сомнение ведомо мне
В лучшие дни блаженства
С близкими мне
Наполняет оно меня
Верой всему вопреки

Ты знаешь
Что страха во мне нет
Но и радость теперь

Посещает редко меня
Оставившего дом свой
Ради дороги
Которой нет ни конца, ни начала

Ты всё
Ты любовь
Тебя ли ищу
Или бегу от себя
Себя в страхе
Себя тёмного
Себя ничтожного

Господи!
Не оставь меня
Не оставь себя
Не оставь мне
Не оставь теперь
И всегда
Не оставь

Город смотрит в глаза
С высоты этажей
По полету стрижей разгадай его суть
Не успеть до утра
 Не допеть до утра
 Не дожить до утра
 Не уснуть...

 Не уснуть...

Не увидеть страницы иных словарей
Не почувствовать зимних метелей крыло
Это нам повезло
Это всем повезло
 Не добро и не зло
 И не тьма и не свет

Это скорый рассвет набирает свой сок
Это тянется след через жёлтый песок
Сквозь асфальтовый пласт прорастает трава

Не уснуть до утра
 Не дожить до утра
Не проснуться нам теми, что были вчера
Вот такая игра
Вот такой поворот
Вот такой разговор у последних ворот
У последней страницы чужого письма

Вот тебе и мечта
Вот тебе и слова
Вот такая дорога меж каменных стен
Вот такой ненавязчивый
Призрачный плен
Вот такое сплетение улиц и лет
Вот такой ненадежный предутренний свет

Мы куда-то спешим
 А вокруг тишина
В отражениях окон дробится луна
В отражениях улиц ломается путь

Не дожить до утра
 Не уснуть...
 Не уснуть...

Не проснуться вчерашним
Не вспомнить свой сон
Не вернуться в оставшийся в детстве свой двор
Не проснуться ребенком
 Не вспомнить
 Не быть

Не успеть
Не простить
Не понять

 Не забыть...

течение

легкой тенью
по улицам
скомканным в город
и
меж пальцев водой
между каменных плит
 родником
изменять
изменяться
менять тишину на затишье
забывая
 сейчас
знать
что было и будет
 ПОТОМ...

бесконечным дождем
по глазам
бесконечных прохожих
безнадежным смиреньем
в глазах
безнадежно больных
знать
 что можешь,
хвататься за то
 что не можешь
жить
 и верить

и помнить
и верить
и помнить
и жить

лети

Пустые коконы
Оставленных тобой квартир
 Безжизненны и ветхи
И с паутиной снов предутренних
 Сплетаются пути
 Мелькают вехи

Лети

Не вспоминая ни о чем
 Былом и бренном
Не забывая ни о чем
Зеленым солнечным лучом
Пробившимся сквозь сети трав или
 Заблудшим фонарем

Свети

Танцуй на струнах проводов
Дразнящих пальцев нежный вальс
Пусть этот вальс обманет нас
Пусть этот мир
 Отпустит нас
Не оставляющих следов на
 Нежной ткани бытия

Тебя уже забыла я
Но

Вальс еще звучит во тьме
 Еще дрожит звезда в окне
И отголоски слов твоих
 Доступны
 Мне...

хочу быть

я хочу БЫТЬ рыбой
чтобы каждое моё слово
срывалось с губ блестящим
РАДУЖНЫМ шариком
и я смогла бы увидеть
весь его путь
до самого слияния
с зеленовато-светящимся
зеркалом неба...
я хочу быть рыбой
и круглыми глазами
следить за ДВИЖЕНИЕМ
круглых СЛОВ

или Солнцем...

я хочу быть Солнцем
и смеясь заглядывать поутру в твоё окно
и смотреть как ты улыбаешься спросонок
и прикрываешь глаза ладонью

я хочу быть ласковым весенним Ветром
и прохладными пальцами прикасаться к твоему лицу
и ерошить тебе волосы на затылке
и запутываться в них

я хочу подойти к тебе большим молчаливым Псом
с грустными глазами и
положив
тяжёлую голову тебе на колени
мечтать о чём-то непостижимо
прекрасном ...

но я Дерево
с ветки которого ты сорвал однажды несколько
горько пахнущих разноцветных листьев
и забыл их меж страниц прочитанной на ночь книги.

всего лишь Дерево и я могу
только

ждать...

КОРТИК

Тишина

Я не оглох, но я не слышу,
Вокруг меня лишь тишина.
Я не ослеп, но я не вижу,
И около меня лишь тьма.

Странное же это ощущение,
Здесь точно вымерла земля.
Я просто умер, и не вижу больше
НИ – ФИ – ГА!

Влад КУЗЬМИН

Дети Ницше

Плач мольбы в опустевшем храме
Никогда не будет услышан.
Никого больше нет над нами –
Ни на небе, ни где-то выше.

Умер Бог, торжествует Гений,
Прокуратор новой морали.
Наступила власть поколений,
Что ученья его нам дали.

Пыль засыплет глаза иконам,
Мир забудет слова пророка.
Мы живем по иным законам –
Так, как разум гласит жестокий.

Мы отринем господне слово,
Мы иные возьмем заветы.
Мы – Творцы. Создадим мир снова,
Согреваясь холодным светом...

Олег НЕСТЕРЕНКО

Котенок и хвост

Котенок, свой завидя хвост,
Тотчас воскликнул: «Мяу!
Хотя пока что мал мой рост,
Но остр мой глаз и коготь остр,
И я тебя поймю!»

И с пол-второго до пяти
Он за хвостом гонялся
И раза два догнал почти!
Но все же хвост, как ни крути,
Быстрее оказался.

«Мне рано бегать за хвостом,
Теперь я понимаю,
Отложим это на потом.
Вот буду взрослым я котом,
Тогда посмотрим! Мяу!»

Песня Мерлина

(Из романа «Рыцарь и ведьма»)

Кто мой отец, ответишь ли мне, мать?
Я от кого воспринял дар похвальный

И волчий вой, и вздох совы печальный
Ясней, чем речь людскую, понимать?

Мне внятен смысл движения светил,
Мне служат духи, подданные ночи:
Что за судьбу ты мне готовил, отче?
На что меня сподобил этих сил?

Не знаю: предначертано ли мне
Усугубить величие Христово?
А может, покорясь иному зову,
Доставить ликованье сатане?

Где мой отец? Скажи мне, мать, куда
Он удалился от родного края?
Земные царства тщетно озираю,
Нам не сойтись до Страшного суда.

Слово о гордом сэре Кенте
(Из романа «Рыцарь и ведьма»)

Таких героев испокон
Не видела земля:
Сэр Кент был доблестнее всех
Вассалов короля.

Лаура дивной красотой
Меж девушек цвела;
Июльским полднем Кенту честь
И сердце отдала.

Лауру Кент в собор ведет
Принять святой обряд,
Но небо застит черный дым:
То гавани горят!

То грозный северный сосед
Явился – быть войне!
Лаура – в слезы, Кент – в седло,
Печался вдвойне.

Он мчит к горящим рубежам,
И видит, что навстречь
Сэр Лёнард скачет на коне
Его предостеречь.

«Спасайся, Кент, надежды нет,
Мои войска бегут,
Враги коварны и сильны
И скоро будут тут».

«Ты трус! – воскликнул в гневе Кент, –
Но я не побегу!
Земли, что домом я зову,
Не уступлю врагу!»

Отважный рыцарь дальше мчит,
Теперь уж цель близка.
Он слово гордое несет
Растерянным войскам.

«Друзья! Мне жалко жизнь отдать
В угоду королю.
Но чтоб Лауру защитить,
Охотно кровь пролью.

Пусть те, кто любят жен своих,
Как я люблю свою,
Со мною смело в бой пойдут
И победят в бою!»

И было так, что в этот день,
Сэр Кент разбил врага;
Увенчан славой, он спешит
К Лауриным ногам.

Но к ней войдя, он видит труп,
Висящий во петле.
Не веря горю, медлит Кент
Предать ее земле.

«Зачем, любовь моя, зачем,
Себя сгубила ты,
Не пощадив своей души
И дивной красоты?»

И слышит голос он с небес,
«Не сетуй на меня;
Мой грех прощен. Я спасена
От вечного огня.

Меня сэра Ленард обманул,
Сказав, что ты убит.
За смерть напрасную мою
На нем вина лежит».

Лауру Кент во гроб кладет
И после похорон
Спешит явиться королю,
Чтоб суд назначил он.

«Повинный в смерти пусть умрет;
Дозволь же, государь,
Сойтись мне с Ленардом в бою,
Нам Бог судьей, как встарь».

Но отвечал властитель так:
«Ты смел увещевать,
Что кровь во имя короля
Не должно проливать».

Да будет так, достойный Кент,
Я внял твоим словам.
Смертоубийство учинить
Я не позволю вам».

«Но есть закон, – воскликнул Кент. –
Всего превыше он!»
И отвечал властитель так:
«Король – и есть закон!»

Но Кент, не внемля королю,
Свой выхватил клинок.
К нему бегут, но он щитом
Сбивает стражу с ног.

Он насмерть Ленарда разит –
Свершился высший суд;
Кент прячет меч; кровавый труп
Из зала прочь несут.

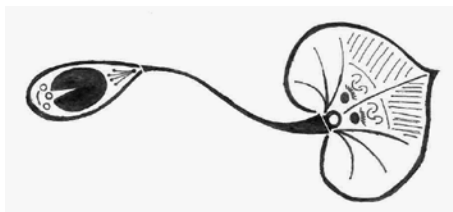
Король сказал: «Не потерплю
Я ослушанья впредь;
За смерть вассала моего
Ты мог бы умереть,

Но ты победу нам принес,
Поэтому – ступай.
Однако тотчас должен ты
Родной покинуть край».

И было так, что Кент ушел,
Молчание храня.
Он навсегда покинул дом,
Лишь взяв с собой коня.

Живет ли ныне гордый Кент –
Не ведает молва.
Но слава горькая его
Меж нас вовек жива.

Тот величайший из людей счастливчик,
Кто на тебе расстегивает лифчик.

Константин ПЧЕЛКИН

Гаснет день,
И в лучах заката
Догорает осенний листок.
Всё, что было с нами когда-то,
Вновь сыграет нам старый вальсок.

Этот вечер – осенний, поющий –
В мой бокал капнет каплю тоски
И на дне ярко-красной гущи,
Золотясь, согреет виски.

Желтой осени пряные вина
Мне не выпить вовеки до дна.
Тихой музы сонетов старинных
Не прогнать от себя до утра.

Опустели златые аллеи,
Воздух стал прозрачен и свеж.
Как вернуться на миг мне в лето?!
Как пробить во времени брешь?!!!

Ностальгия по лету напрасна
И не стоит думать о ней.
Не вернешь лист опавший на место –
Не воротишь утраченных дней.

Не грусти о сгоревших стихах,
Что к ногам нашим пеплом ложатся.
Эти чувства мне не удержать –
Пусть внутри они вихрем кружатся.

Ты прости, если можешь, меня.
Ярким светом сгорает бумага,
И в огне этом, корчась, слова
Исчезают, но плакать не надо.

Улыбнись на прощание мне,
Ведь улыбка твоя словно пламя,
Освещающая мой горький удел,
Обжигает мне сердце стихами.

Спина хранит тепло ее рук
И волосы пахнут ее дыханьем,
Как темной ночью листвы трепетанье
Рождает тихий неясный звук.

Он гаснет в закатном тускнеющем небе,
В душе оставляя тоненький след,
Как легкий намек на далекий рассвет
Был сон мой случайный, как будто бы не был.

Волшебный тот сон про сплетение рук,
Слияние губ и душ осязанье,
Златых ее глаз простым обаяньем
Пленяет мне сердце и тает вокруг.

Город мой,
Чуть уставший и сонный,
Прикорнул,
Одеялом укрывшись
Из серых обветренных туч.
И уснул,
Чтобы утром промозглым проснувшись,
Вспомнить вечер
Теплым июльским дождем...
Тихо
Падают капли

И плачет погода,
Вновь о прошлом былом
Нам шепчет природа
Чтобы теплым вечером этим
Дать нам шанс
Остаться вдвоем...

Жёлтое око восхода
Долго на запад глядело.
Красное око заката
Снова глядит на восход...

Яна ПЯТЕНКО

Не верь в свободу до конца,
Свободы не бывает много,
И даже дальняя дорога
Свернется кошкой у крыльца.
Не верь в свободу до конца.

Кто верит в свет в начале коридора,
Того, увы, никто не ждет в конце.
Упала ночь, как яблоко раздора,
Оставив две слезинки на лице.
Но я, в душе над миром насмехаясь,
Раскрою душу, распахну, и свет
Нахлынет в сердце, будто улыбаясь,
Ты подарила мне цветов букет...

Суета, суета, суета,
В этом мире не сыщешь чудес,
И святая моя простота
Тонет в луже по кличке «Прогресс»...

Вы мне никто, я вам никто,
Дорога широка.

Давайте повернем назад
Пока мы не знакомы.
Вы мне никто, я вам никто,
Дорога нелегка,
Не говорите ничего –
Слова остались дома.
Вы мне никто, я вам никто,
Ни друг, ни враг, ни брат.
Молчите, в этом суть игры.
Пусть станет жизнь игрою.
Вы мне никто, я вам никто,
Плетемся наугад,
А впереди – дома, дома,
И город... Все чужое.

Посвятить навечно жизнь и душу не могу ни кисточке, ни лире,
Ничего святого не осталось, не осталось в этом диком мире...
Почему мне дьявол снится часто, а не ангел в белом одеянье?
Ничего святого не осталось, больше нет для нищих подаянья,
Ничего святого не осталось, просто мы ушли, ушли от Бога,
К горизонту вьется, исчезая, вся в гвоздях серебряных дорога...

Не кричи на меня, я не ветрена,
Не кричи, а то ветреной стану,
А тобой нанесенные раны
Заживать будут медленно-медленно.
Не молчи, не смотри укоризненно,
А не то я уйду, я обижусь,
Но, поверь, ни за что не унижусь,
Лучше смерть, чем с тобою пожизненно.
Не тверди мне, что я сумасшедшая,
Не тверди, а не то я поверю,
На себя, как рубашку, примерю
Роль, так впору ко мне подошедшую.
И не смейся в лицо, я таинственной
И навек неразгаданной стала,
И позор – это только начало
Для любви, только жаль не единственной...

История стара немного,
Чуть младше мира и небес.
Одна судьба. Одна дорога.
И путь к Голгофе тот же – крест.
И мы, испорченное племя,
За хлеб и зрелища – к кресту.
Но пронесет сквозь боль и время
Он о спасении мечту.

Воскресну через муки и потери,
Вдыхая запах ладана и роз.
Скажу богам: «Я смерть свою не верю
И не могу принять ее всерьез».
Такого не бывает, все мы вечны,
Мы держим судьбы и мечты в руках,
По лезвию ножа скользим беспечно,
Забыв про липкий и противный страх.
Пусть странные неведомые силы
Нас мучают, пугают и влекут,
То возвращают к жизни из могилы,
То, рассердившись, вновь о стену бьют.
Мы не сдадимся, через смерть и холод
Над серостью и пылью воспарим,
И каждый, кто душой и сердцем молод,
Пусть верит: «В этой битве победим!»

Бессонницы легкий мотив
Скатился на веки пером.
Бессонница, раз посетив,
Уже не отпустит потом.
Холодное пламя свечей
Пронзает чужое окно.
Сквозь сотню бессонных ночей
Смотрю. И уже все равно.

Для нас потухло пламя сигарет,
Для нас замолк нетрезвых песен хор,
Затушен фонарей вечерних свет,
Оборван телефонный разговор.

Мы сами оборвали путь назад,
Как узел, разрубили ночь клинком.
Теперь идем в потемках наугад.
Молчим: никто друг другу не знаком.

Серые версты

Настанет час, и нитка оборвется.
Но не исправить это – плачь, не плачь.
Подует ветер – ветка шелохнется,
И с криком улетит последний грач.
Метели ото всех людей сокроют
Клочок земли и кособокий крест.
Нет никого. И только ветер воет
На сотни сотен серых верст окрест.

Давай оставим мир иной в покое.
Им там живется хорошо без нас!
Сорвешь легко рукой цветок левкоя,
Как жизнь свою. Сорвешь, и взгляд угас...

Черта легла между мирами,
И не проехать, ни пройти.
Как дикий зверь между огнями
Мечусь на выбранном пути.
Я в этом мире, как жестоко,
Как жаль, о мой заклятый враг,
В твое прекрасное далеко
Мне не пройти уже никак...

Движенья неточные, взмахи неверные.
А вдруг победить не сумею?
Мне хлеба и зрелищ –
Я в прошлом, наверное,
Любила бои в Колизее.
Кинжалы и кровь, галереи зеркальные.
Не знала, и вдруг не узнаю.
Античный театр – и этюды печальные
Актеры бездарно играют.
А люди кричат и машут руками,
Отбросив пустые сомнения.

Эпоха эпоху как прежде сменяет –
У каждой свои развлечения.

Луна

Плоская монета луны
Льет печально призрачный свет.
Комната – четыре стены,
Целый мир – и никого нет.
Может моя жизнь – это сны?
Ничего святого в них нет.
Комната – четыре стены,
И луна льет призрачный свет...

Давай поделим поровну дожди,
Давай разделим на двоих закаты.
Душа кричит и рвется: «Уходи!»,
А сердце плачет: «Подожди, куда ты?»

Уходим

Уходим мы все в заповедную даль.
Уходим, увы, безвозвратно.
Уходим туда, где танцует февраль,
Стирая родимые пятна.
Уходим туда, где живется легко,
Где ждуг нас знакомые лица.
Уходим под землю, совсем глубоко,
Где память стирает границы.
От нас остаются косые кресты
И фото – такими мы были.
Да только могилы, могилы пусты,
А души кричат: «Мы ведь жили!»

Перетасую старую колоду.
Мой господин, сыграем еще раз.
Я выиграю – даруешь мне свободу,
А проиграю... не о том сейчас...
Давай сыграем, рок. Ко мне удача
Вдруг повернет свой молодежавый лик.
Я выиграю, не может быть иначе,
А если нет... то все – конец, тупик.

Но я уверен: старая колода
Не подведет былого игрока.
Я знаю – долгожданная свобода
Не так уже, по сути, далека...

Колосок

Заплети мне из плети дорог
За спиной небольшой колосок,
Посвяти мне одну из речей,
Подари мне одну из ночей...
Вечер скроет убранство земли,
Чтоб остаться вдвоем мы смогли,
И в последних закатных лучах
Обними, обрати меня в прах...
Легкий прах, мой остывший песок,
Ты вплети, словно нить, в колосок.

Заметет, забьет, завертит
Дикая метель.
Шаг. И в снежной круговерти
Пробежал апрель.
И забрызгало, запело,
Все звенит кругом.
Неуверенно, несмело
Выйду босиком.
Окуная ноги в лужи,
Побегу туда,
Где осталась сном о службе
Талая вода...

Дарья РЫЖКОВА

«Философия жизни»

Я, наверное, гость непрошенный
В этом мире чужой реальности.
Моя сущность давно изношена
В коридорах глухой фатальности.
Пусть отечество моё – тварное,
Я горжусь своей вечной смертностью.
Не поможет слеза янтарная
Разорвать суету инертности.
Мои боги убиты именем,
Что в веках навсегда останется.
И покрыта багровым инеем
Экзистенция нереальности.

Нет

Глаза сверкнули, как клинок,
Впиваясь в лунный свет.
Жесток судьбы простой урок –
Безжалостное «нет».
Я в темноту тебя позвал
И ты пошел за мной.
На нежном теле рисовал
Я знак судьбы иной.
Ты на моей груди встречал
Сжигающий рассвет.
Зачем теперь ты прокричал
Пугающее «нет»?
Ты умер и родился вновь,
Приняв ночной завет.

Не для того пролил я кровь,
Чтоб вдруг услышать «нет».
Ты мой, пойми же, наконец,
Смешон твой гордый нрав.
Я твой любимый и творец,
Всегда, во всем я прав.

Словно

Каждый раз, словно самый первый,
За невинностью – спесь тирана.
Словно струны девичьи нервы,
На груди расцветает рана.
Словно сталь на губах улыбка,
Брызги крови – святые слёзы.
Это, верно, его ошибка,
Что забыл на свиданье розы.
Словно скульптор, ты правишь тело
Этой жертвы своих желаний.
Словно ангел, безумно-смело
Очищаешь путём страданий.

Ловец удачи

Гадай по облакам –
Ведь можешь не узнать,
Когда придет пора
За хвост ловить удачу.
Ты видишь наперед,
Но можешь и проспять
Божественных даров
Бесплатную раздачу.
Тебе ли горевать?
Ты фаворит судьбы.
Луна тебе сестра,
А ночь твоя невеста.
Опять пройдешь по краю,
В полметре от беды.
Где будешь по утру –
И бесам неизвестно.
Зачем тебе покой?
Оставь его другим!
Тем, кто в своих домах
Гниет и умирает.

А ты иди вперед
Звездой своей храним...
Туда, где горизонт
В рассветной дымке тает.

Я не хочу

Я не хочу писать стихи
И вашу отражать реальность.
Оставьте мне хотя бы малость –
Куда смогу от вас уйти.
Я не хочу писать роман
Согласно принятым законам.
Столетье ваше так убого,
Мне так противен ваш обман.
Я не хочу играть ту роль,
Что мне назначена судьбою.
Нет больше крыльев за спиной,
Но вам плевать на эту боль.
Я не хочу писать стихи,
Где будут водка и шалавы,
Где будут грязь, дерьмо, канавы,
А в них вонючие бомжи.
Где будут маты и жаргон,
Мне их в реальности хватает –
Душа и тело умирают,
Заснуть хочу я вечным сном.

Последний из Рода

Где-то кружит Последний из Рода,
Рассекая крылом облака.
Отражается в зеркале моря
Золотая его чешуя.
И в глазах цвета раннего утра
Навсегда теперь стынет тоска,
И все кажется герцогу будто
Его ждет на утесе Она...
Пламенеют чудесные кудри,
На щеках расцветает заря...
Но Дракон одинок в сердце бури,
Ведь принцесса давно умерла.
И теперь с неба падает пепел,
Зимы все холодней и длинней,

А разящий безжалостный ветер
Запах тлена приносит с полей.
Голубое остывшее солнце
Скупое дарит остатки тепла,
А в глубоких забытых колодцах
Навсегда помутнела вода.

Просто мёртвый...

Просто ангел,
Просто мёртвый.
На ковре
Из острых стекол...
В луже крови
На распутье.
Мёртвый ангел
Полминуты.
Полминуты...
Слишком поздно.
В небе гаснут
Просто звёзды...
Просто звёзды
Поздно ночью.
Мёртвый ангел...
Грустно очень.

Что я могла ему сказать?
Он все решил.
На пол упали два крыла –
Он не спешил.
Кровь заструилась по спине –
Багровый дождь.
Все, что мы видели во сне, –
Пустая ложь.
И он не плакал, не стонал,
Хоть боль сильна.
Лишь молча перья подобрал
И бросил из окна.

Падшие ангелы

Из осколков разбитых сердец
Они строят хрустальные замки.

Они носят терновый венец
Почему-то всегда наизнанку.
Крылья их обгорели навек,
Но прельстились они чернотою,
Разменяв яркий солнечный свет
На игру под холодной луною.
Они любят гулять по воде,
Разбиваясь со смехом о скалы.
Исчезают как сон на заре,
Растворяясь в холодном тумане.
Чтобы вновь с наступлением тьмы
В чьих-то мыслях посеять сомнение,
Сбить невинные души с пути,
Перекрыв все дороги к спасению.
Они так безрассудно смелы,
Они так безнадежно беспечны.
Ибо все они обречены
На печальную смутную вечность.

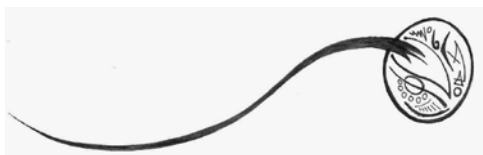
Слишком

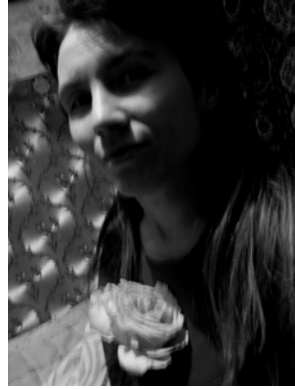
Все слишком просто, все слишком сложно.
Нет больше смысла играть в слова.
Быть снова вместе, ты знаешь, можно,
Вернуть, что было, – увы, нельзя!
Любовь погасла, как гаснут звезды,
Оставшись грустью в твоих глазах,
Оставшись болью, шипами розы,
Огнем, объявшим пути назад.
Ты слишком сильно меня любила,
Ты убивала мои мечты.
Оставь надежду вернуть, что было,
Оставь надежду любовь спасти.
Я дикий ветер, я только воздух,
В твоих ладонях осталась пыль.
Все слишком сложно, все слишком просто...
Тебе не хватит на вечность сил.

Берсерк

В лесу, наевшись мухоморов,
Бухой берсерк под елью спал.
Клыкастый мимо топал боров
И на берсерка вдруг напал.

Берсерк вскочил, ругаясь матом,
Отвесил борову пинка!
Свиненок поспешил за братом,
Спасаясь от его клинка.
Берсерк на мох уселся снова,
Сорвал ближайший мухомор
И захрапел вновь так сурово,
Что дрогнули вершины гор.
Проснулся воин недовольным –
Матерый свин пёр напролом.
И боров был таким огромным,
Что не поможет даже лом.
Однако парень был не промах!
Он хряку на спину вскочил:
Ведь дух волшебный мухоморов
Прибавил и берсерку сил.
Брыкался боров и носился,
Берсерк клещом сидел на нём.
Но наконец хряк притомился
И с участью своей смирился –
Берсерку верным стал конем.

Анна ЧЕРНЫШОВА

Муэдзину муэдзин
Проорал, что бог один.
Врешь, седая голова,
Этих гадов точно два!
А верней, помилуй бог,
Сволочей не меньше трех,
И как вместе соберутся –
Непременно надерутся!

Принц

Торопился, был весь в мыле,
Принц на розовой кобыле,
Кляча сдохла, он страдал,
Шкуру дорого продал.
Он пешком бежал, спешил,
Вовсе выбился из сил.
Притащился дед с клюкой,
Ну, зачем тебе такой?

Пиратская песенка

Смерть приперлася за мной,
Только просчиталась.
Замахнулась косой,
Но ни с чем осталась.
И теперь она не в духе.
Я признаюсь вам:
Оказалось, что старухе
Я не по зубам!

Гимн 20 веку

Трусость этим миром правит
Уже целый век!
И от страха подлость славит
Жалкий человек.
Стал ущербный и убогий,
Сам себе не мил –
Многопалый и двуногий
Маленький дебил!

Победителю

С вершины оглянись легко
На тех, кто не дошел,
Тех, кто остался далеко,
Кто силы не нашел.
Забудь о том, когда они
Смотрели свысока,
Забудь, не вспоминай те дни,
Не вспоминай пока.
С вершины оглянись: весь мир
Лежит у твоих ног!
Ты победил! Теперь ты здесь!
И одинок, как бог!

Что-то забывать начинаю
Дождь и клочья ветра в лицо.
Будто птица в плен попадаю –
В скуки ледяное кольцо.
Еще помню парус и волны,
Стали звон и гриву коня,
Только мир, желаньями полный,
Дальше с каждым днем от меня.
Если бы стряхнуть эту тяжесть,
Точно плащ промокший с плеча,
Снова вызвать общую зависть
Тем, что кровь как пожар горяча!
Все вернуть на одно лишь мгновенье,
Ощутить свободы размах!
Но напрасно свое отраженье
В потускневших ищущих зеркалах.

Не дразни врага напрасно,
Осторожен будь.
До конца познать опасно
Человека суть.
Связан он как паутиной
Страхом и мечтой,
Дней уютною рутинной,
Мелочной возней.
Он надежду не устанет
Грезами питать,
Страшен и свободен станет,
Коль ее отнять!
Не дразни врага напрасно,
Осторожен будь.
До конца познать опасно
Человека суть.

Прошло и больше не болит
Все то, что раньше обжигало,
Усталая душа молчит,
Ее тревожить перестало,
Что стороною жизнь прошла,
Надеждою едва коснулась,
Любовь руки не подала,
А лишь брезгливо отвернулась.

Разбойничья поминальная

В Ватикане прошел мелкий дождичек,
Римский папа пошел погулять,
А разбойник точил острый ножичек,
Собираясь в лесу промышлять.
Римский папа вернулся, поужинал
И лег спать, помолившись сперва,
А разбойник деньжата выуживал,
Убивая прохожих у рва.
А на утро казнили разбойника,
Только папа печально вздохнул,
Ватикан позабыл про покойника
И опять преспокойно заснул.

Хоть море вечное бескрайне,
То золотисто, то черно,
Но кораблям своим случайно,
Дозволит встретиться оно,
Пусть на минуту, на мгновенье,
На взгляд, на жест, на вздох один,
И снова ветер в нетерпенье,
Наполнит мачты бригантин.
Чтоб никогда не повстречаться,
Вдали растают корабли,
Вновь в одиночестве скитаться,
Вдали от неба и земли.

Роскошно жить не запретишь,
Но быть счастливой не прикажешь,
Как радости не утаишь,
Так о страданье не расскажешь,
Как нет прохлады от огня,
Так айсберг сердца не согреет,
Не гаснут звезды в свете дня,
Но кто их разглядеть сумеет,
Так знает каждый на земле,
Что счастье притаилось где-то,
Но как найти его и где,
Как не было, так нет ответа.

Со смертью состязаться, право,
Безумие, самообман,
Сквозь слезы улыбаться браво,
В непроницаемый туман.
Шагнуть на лезвие каната,
И видеть пропасть, но идти.
О, Боже! Чем я виновата,
Все знать, что будет на пути.
Я смерти бросила перчатку,
И смело крикнула: «Лови!»
И не откупишься за взятку,
Теперь от боли и крови,
И мне не разделить теперь,
Где жизнь, где за нее дуэль.

По млечному пути, как по огню,
Бегу, остановиться не желая,
Но звездный свет, увы, не виден дню,
И в темноту я снова наступаю.
Кто млечный путь решил так назвать?
Кто выдумал, что млечный путь – дорога?
Кто пробовал на этот путь ступать?
Тот был недалеко от Бога.
Как этот путь невысказанно высок,
Как звезды золотые ослепляют
И наш уютный, маленький мирок.
Все те, кто там, уже не замечают
И не твердят, что грешный мир жесток,
А знают все и потому прощают.

Нет, слезы не живительная влага,
В них ни надежды, ни отрады нет,
Что пепел? – отпылавшая бумага,
А ночь лишь умерший рассвет,
В сухих глазах слезы не угадаешь,
Отчаянья в улыбке не узнать,
Кто знает то, что ты страдаешь,
Кто станет за тебя страдать?
Что остается, когда меркнет вечер?
Что остается, когда кончен век?
Что остается, когда гаснут свечи?
Что остается, когда тает снег?
Уже не верю в то, что время лечит,
Что время?! Только стрелок бег!

Безвременье спустилось на землю,
Ни лето, ни зима, а так – туман.
Я свечи потушить напрасно медлю,
Мне дорог их пылающий обман.
В их свете одиночества не видно,
Душе теплее, как в кругу друзей.
Средь них грустить не больно и не стыдно,
И мысли чище и судьба верней.
И незаметнее тоска погоды,
И все равно – какой на стрелках час,

Светлей надежды и прозрачной звезды,
И мягче ночи бархат и атлас.
И мимо катят, как приливы, годы,
Почти не задевая нас.

Звездной пыли роскошь,
Черная печаль,
Мирозданья поступь
В тишину и даль,
И земли круженье,
В вечной пустоте,
Лишь прикосновенье,
К пламенной мечте.

Память

Двадцать первого века так коротки сны
Жизни дар не умеем ценить,
И картины жестокие давней войны
Стали ночью ко мне приходить.

Стрелы резали небо на сотни кусков,
Сталь крошилась, как горный хрусталь,
С ног сбивал грубый ветер средних веков,
Унося колокольный звон вдаль...

Над крестами соборов дым казней висел,
Горло жег, не давая дышать,
Меч двуручный от крови соленой ржавел,
Запрещал о врагах забывать.

Конь храпел, рвал узду, бил копытом в гранит,
Ветер плащ мой яростно рвал,
Жгла мне кровь голубую память обид,
Голос предков к отмщению звал.

Эту ненависть прадед отцу завещал,
Тот сберег – и мне поручил.
Я жаждал сражения, я боя искал,
Свою ярость святую копил.

Почти сто долгих лет глумилась война
Над любовью и жизнью самой,

Нас лишила покоя и крепкого сна,
Были сыты мы вечной враждой.

Как валы океанские в грозной борьбе,
Сошлись армии разных знамен,
Этот бой стал последним в славной судьбе
Многих древних и гордых имен.

Я тогда не увидел противника глаз –
Щель забрала, как пропасть, черна.
Конь взвился на дыбы, и пробил мой час,
Чашу мести я выпью до дна!

От ударов мечей раскалилася ночь,
Сталь горела от жара сердец.
Щит разрубленный молча бросил я прочь,
Уже близился битвы конец.

Жадной стали огонь я кровью гасил,
Меч тяжелый тупился в бою,
Я забыл, как дышать, только сек и рубил,
Ветром выстудил душу свою...

Я высокого рыцаря сбросил с коня,
Шлем упал с его головы,
В его светлых глазах увидел вдруг я
Всю бессмысленность этой войны.

Я увидел, как мать провожала его,
И невесту увидел в слезах,
Как просили у Бога они одного,
Чтобы жизнь сохранил он в боях.

Но все заслонила старуха с косой,
Как ужасна в юности смерть.
Останется холмик с надгробной плитой,
Холод смерти огнем не согреть.

Я упавшего юношу прежде не знал,
Не был он предо мной виноват.
Но убить его предок мой завещал,
Уже больше столетия назад.

Я, завет исполняя, меч кровавый занес...
Но отбросил жестокий металл.

Хватит смерти и боли, хватит горя и слез!
Не хочу ненавидеть! Устал.

Шли по лужам сапоги,
Шпорами звенели,
Шли как будто полземли
Обойти хотели
Шли в апреле, шли весной,
Шли по переулку,
Всех друзей идти с собой
Звали на прогулку.

Сегодня я играю роль иную,
Не для других, а только для тебя,
Я молча улыбаюсь, я колдую,
И сердце забираю – не любя.
Тебе кажусь я нежной и прекрасной,
И ты пропал, и ты попался в сеть,
Мой час настал, я становлюсь опасной,
Теперь ты обречен в любви сгореть.
А я забуду праздный вечер,
Он выпит как шампанского бокал.
Приходит день, насмешлив и беспечен,
Не я, а он тебе сейчас солгал.

Мне зеркало то льстит, то удивляет,
То горькою пощечиной хлестнет.
То мило улыбнется, то играет,
Молчит или советы раздает.
Средь темных окон зеркало как двери,
Туда, куда чужого не впущу,
Ему не возражу, ему я верю,
И многое безропотно прошу.
Ему известно обо мне такое,
Что и сама понять я не смогу,
Я ключ от своего покоя
Доверила холодному стеклу.

Колыбельная для грешника

На краю, на самом краешке,
Без перил,
Спи спокойно, баю-баюшки,
Бог простил.
Завтра день придет за солнышком
В тихий дом,
Мы с тобой до доньшка
Проживем.
И польется колыбельная
За слезой,
Жизнь игра, игра – смертельная
Пред тобой.
Скоро ночь на самом краешке,
Без перил,
Спи спокойно, баю-баюшки,
Бог простил.

Я боюсь: быстроты падения,
Над кладбищем воронья,
И бессмысленности моления,
И беспомощную себя.
А надежда давно завралася,
Устала лгать,
Сколько богу ни жалуйся,
Будет молчать!

Пожеланье

Если жизнь наша – дорога,
То пусть всегда будет на ней
Поворотов веселых много,
Чтоб шагать было веселей.
Если эта дорога – море,
Пусть ветры дуют сильней,
Ведь полный штиль – это горе,
Для любых кораблей.
Коль по жизни несут нас кони,
То пусть конь мой будет горяч,
Нет скорости без погони,
Нет счастья без неудач.
Раз судьбу выбираем сами,
Я знаю, что выбирать:

С открытыми жить глазами –
Надеяться и рисковать.

Вопрос

Интересно, черт возьми,
Что нас делает людьми?
Ходят слухи – мы слегка
Совершенней червяка.
Только надо доказать,
Что нас можно уважать.
Гордыми нас создал Бог,
Только жизнь сбивает с ног.
Под ударами, увы,
Не поднимешь головы.
Библия велит – смирись,
Глотай слезы и молись,
Но смирившись, мы опять
Примемся навоз жевать.
Так, что гордым остается
Стиснуть зубы и бороться!

Посвящается молодым поэтам...

Суицидом пропахла ночь!
Все поэты грезят о нем,
Мысли светлые гонят прочь,
И ни строчки не пишут днем,
Опасаются расплескать,
Настроение черных муз.
Не решаются перестать
Жизнь тащить, словно тяжкий груз.
Страшно бедному видеть вдруг,
До чего же жизнь хороша.
И как много чудес вокруг,
От которых поет душа!

Екатерина ШАМАХАНОВА

Сон

Я знаю этот сон как дважды два –
Я столько раз читала эти строки!
Я помню все волшебные слова
И вижу бесконечные дороги.

Я верю в заклинания войны
И выучила праздничные гимны.
Мне не нужна любовь моей страны,
Но думается мне, что всё – взаимно.

Я среди ночи черной лентой строк
Привычно обрываю свои беды
И, позабыв бессмысленный урок,
Вновь замираю в миге от победы.

И снова жду пророчеств в тишине,
Туманных знаков среди звездной пыли,
И думается мне, что обо мне
И вы, возможно, тоже не забыли...

И вновь хочу я верить в полный бред,
Что нас убийца-время лечит,
И те, кого давно со мною нет,
Меня обнимут ласково за плечи.

И будем мы волшебные слова
Опять вплетать в бессмертные узоры,
И всё, что не сгубило нас едва,
Окажется простым похмельным вздором...

И утром не будильник зазвенит –
Нам гимн споеет крылатый сторож света,
И солнце вновь поднимется в зенит...
Мы будем вечны –
и вернемся в лето.

«Полночь»

Ник Нику

Я любила читать стихи,
Я хотела играть в кино,
Я могла не подать руки
И смеяться, когда смешно.
Я жила, как течет вода,
Как бежит по камням река,
Всё пытаюсь сбежать – и всегда
Возвращаясь в свои берега.

Я жила, как растет трава
На холмах, где поют ветра.
Утром таяла, как синева,
Угасала с огнём костра.
По дорогам вела звезда...
Я дорогой была сама...
Да случилась со мной беда –
Закружила меня зима.

На плечах годами – снега,
И тропинки мне не найти.
Подо льдом замерзла река,
За сугробами нет пути.
Старых сказок волшебный яд
Лишь горчит, и темнеют сны.
Фиолетовым стал закат,
И не хочется ждать весны...

Дни надежд вспоминать смешно –
Как любовь они далеки.
Я тогда ходила в кино
И хотела писать стихи.

Накануне

Я сажу неловко в кресле,
Кот с клубком играет рядом.

Мне не жарко, но не тесно,
Я опять не очень рада.

Я вяжу сегодня шапку –
Или шарфик и перчатки?
Кот клубок забросил в тапки
И опять всё в беспорядке!

И узор мне выбрать сложно –
Вдруг опять не угадаю?
И творю я осторожно –
Как умею и как знаю...

Но со мной – частица силы,
О которой в сказке скажут:
Где-то там у Иггдрасила
Сестры тоже что-то вяжут!

Подождём еще немножко,
И на всех веселья хватит –
К нам по радужной дорожке
Гарм клубочком солнце катит!..

Верески

Луна причалит к берегу
 Вечером, поздним вечером.
Я побегу по вереску –
 Встречу тебя я, встречу ли?
И бесконечно-радостной
 Буду идти ли тропкою?
Горечь ли трав, их сладость ли
 Ветер вернет так робко мне?
Дом на холме забыт уже,
 Ждал нас с тобой так долго он!
Темному небу расскажи,
 Что этот вечер – только сон.
Плещет река тихонечко,
 Слышно её едва-едва.
Долго ли ждать мне, коротко ль
 Старые те слова, слова?..
Там, за спиною, тёмный лес,
 А впереди петлёй – река.
Может узнать смогу и я,
 Будет она ли глубока?

Будет она ль ко мне добра
Или опять – ко дну, ко дну?
Ветер мне шепчет сказочку,
Ночь меня вдаль ведет – одну.
Вереск уснувший скажет ли,
Что впереди обрыв крутой?
Вечно ли буду я гадать,
Ждут ли меня у лодки той?..

Надежда ШИШКИНА

Колыбельная

Ночь упала на ладони.
Скомкан мир, как одеяло.
Завтра ты уже не вспомнишь,
Что сегодня потеряла.
На руках луна свернулась,
Как котенок. Тает вечер.
Вьюга белая проснулась,
На окне погасли свечи.

Снег ложится на дороги,
Лед укутал реку белым.
Мы – не ангелы, не боги –
Яблоком катились спелым
Прямо в руки юной Евы –
В снах бывает и такое.
Пусть уже не стану первым,
Хоть последним, но с тобою.

Мы уснули с тобой рядом,
Мы проснемся за полмира,
Пролистав усталым взглядом
Шутку старого факира.
Мы уснули – не проснемся,
Но сегодня я с тобой.
Засыпай скорей, не бойся
Светлый ангел, святой мой.

Маленький принц

Падают звезды в пустые карманы –
Пришел слишком поздно,
Ушел слишком рано.
За каждой второй населенной планетой
Тебе чудится запах
И отблески света.
И на каждой первой – ты тоже чужой.
Мой маленький принц,
Возвращайся домой.

Монета

Оступаясь, торопливо, в спешке
Бросить вверх монеты серебро.
И гадать – орел ли? решка?
А монета мне в насмешку
Приземлится на ребро...

Не надо

Кошка, кофе, гитара...
Все. Не нужно для счастья
Ни хмельного угара,
Ни чьего-то участка.
Ни любви, ни заботы,
Ни войны, ни победы.
Ни оков, ни свободы,
И ни тьмы, и ни света.
Ни забытых мотивов,
Ни придуманной ноты.
Ни дорог и обрывов,
Ни вниманья кого-то.
Ни отчаянья зверя,
Ни призывов и взглядов...
Нужно только поверить,
Что и правда не надо.

Шиповник у калитки и вишня под окном,
Скрипучие ступени ведут в забытый дом,
Старые качели, мощеная дорожка.
Как жаль, что это место опять осталось в прошлом.
Холодные рассветы, багровые закаты,
И небо, словно губы, что целовал когда-то.

Сон ароматом яблок напомнит о хорошем...
Так жаль, но это время опять осталось в прошлом.

Ночь темна – душа темнее.
Дверь открыта – что за нею?
Я войти к тебе не смею,
Слушаю, молчу.
Мне твои глаза – темница,
Опусти, сомкни ресницы.
Что тебе ночами снится –
Я узнать хочу.
Режет взгляд острее бритвы,
Твое сердце – пламя битвы,
Я стою, смотрю, молитвы
Глухо бормочу.
Ты на них не обернешься.
Ты безумен, ты смеешься,
Темнотой ко мне крадешься...
Я стою.
Молчу...

Меланхолия

Осень. Грязь. Унынье. Холод.
Ликование цветов.
И опять найдется повод
Для сжигания мостов.
Сожаления разлуки,
Безмятежный сон домов.
Дни раздумий, ночи скуки,
Песни крыш и проводов.
Философия печали,
Меланхолия бесед.
А ветра в окне кричали –
Лета не было и нет!
Но, ветрам не веря, птицы
Улетают до весны.
Потревоженной страницей
На ладонь ложатся сны.

Реквием

Судьба на листах прошлогодних газет.
Реквием душ – не вернуться забытым.

Пепел и слезы нечестных побед
Кто-то – всевышний, наверно, – простит им.
А календарь снова меряет дни,
Снег на траве – их следы, но и только.
Ночь зажигает слепые огни,
Раны сшивая луной, как иголкой.
А память о прошлом не сжечь, не сломать –
Запомнилось телу, впечаталось в сны.
Мы не до конца научились терять,
Выжигая железом каленым вины.
И кто-то пером своих ангельских крыл
Писал на груди имена уходящим.
Листами газет и реклам залепил
Реквием душ – навсегда настоящих.

Я к тебе

Я к тебе.
Без времен, расстояний.
Без законов природы.
Стрелой, без оглядки.
Я к тебе.
Я опять постоянный,
Такой же породы.
Теперь все в порядке.
Я к тебе.
Через все небеса,
Через утро и вечер,
Закат и рассвет –
Я к тебе.
Вспоминай чудеса,
Зажигай в окнах свечи,
Жди, где времени нет.
Я к тебе.
Я с тобой. За тебя. Для тебя
Умираю, рождаюсь,
Воюю.
Я к тебе.
Имена теребя,
Я в тебе отражаюсь.
Целую.

Ночью проснуться от холода,
Ловя дыханье руками.
Вздоргнуть, вспомнив свой сон
В жестких объятиях города,
Где мы сами становимся снами,
Где живым остается лишь звон
Над нами повисшего провода,
И не передать словами,
То, как молчит телефон.

Помню зарево пожара, Помню горький привкус жара,
Помню, как толпа бежала, Прочь текла водой.

Помню крики, помню хохот, Помню лошадиный топот,
Помню стен пылавших ропот, Плакавших смолой.

Помню, страхом ночь налита, Помню, гордость в нас убита,
Помню, птицею в лет сбитой, Знамя под ногой.

Помню, как тараны били, Помню, как собаки выли,
Помню, мы одни там были С крепкою рукой.

Помню, лица исказились, Мы на площади схватились,
Против сотен трое бились, Жертвуя собой!

Помню, мы мечи подняли, На кого – еще не знали,
Помню скрежет крепкой стали По груди чужой.

Помню, наполняясь болью, Кровь свою проливши вдоволь,
Поднял меч над головою – Я еще живой.

Помню подвиг, помню славу, А потом пошли облавы,
Проигравшие не правы – Вот тебе, герой!

Вот тебе за имя павших, Вот тебе за боль познавших,
За чужих или за наших – Щедрою рукой.

Лучше б мне не помнить боя, Лучше б захлебнуться кровью,
Потому, как для покоя Заплатил душой.

Много лет с тех пор проплыло, Только память не остыла,
Помню, как все это было, Грешник и изгой...

Весенний гость

Весна. Хмельная. Одинокая. Чужая.
Сутулый гость садится у окна.
А за окном – за грохотом трамвая,
За гулом голосов – поет весна.
Ветра. Усталые. По зимнему шальные.
Все закрутилось с самого утра.
Гость поднял на меня глаза больные,
И треплют его волосы ветра.
Глаза. Молящие о чем-то. Я не знаю.
В них не родится ни одна слеза.
Я их росой и небом умываю,
Но все равно безжизненны глаза.
Весна. Ветра. Глаза. Молчанье давит.
В ладонях время, как песок, хрустит.
Он медленно бокал на столик ставит.
Он только гость. Ему пора уйти.

Кошка-ночь

Пробегает торопливо
Мимо гулких площадей,
Мимо желтых фонарей,
Мимо окон сиротливых
Выстроенных в ряд,
Кошка-ночь на мягких лапах.
У нее приятный запах
И манящий взгляд.
И коты во всей округе,
Позабыв еду и сон,
Подпевают в унисон
Призрачной подруге.
Тихо-тихо, коготками
Не касаясь крыши,
Кошка-ночь взбегает выше,
Выше над домами.
И бесплотной дымкой прочь
Увлекает ее ветер.
В белоснежном лунном свете
Тает кошка-ночь.

Осколки

В осколках зеркал, в сплетении душ,
По светлому дню расплескала я тушь,

И кляксами в памяти бьет резонанс
Двух слов, разделивших границами нас.
Полюсом стали две разных души,
Их координаты в тетрадь запиши,
И выбрось в окно – да кому здесь нужны
Два гулких осколка пустой тишины?
В тумане беспамятства, в радуге дней,
Мы стали не больше, чем двое людей.
Так хватит об этом – ты сам, я сама
Пытаемся здесь не лишиться ума.
А если вдруг кто-то захочет вернуться –
Дороги уже все равно разминутся.
И врезавшись в стену чернильных обид,
Мы сразу пойдем, кто и кем был забыт.

Тишина

Там, где ветер пел, –
Тишина.
Где огонь горел, –
Тишина.
Где струна звала посмотреть рассвет,
Там, где боли нет, –
Тишина.
Там, где нет цветов, –
Тишина.
В переулках снов –
Тишина.
Где ликует жизнь и весна поет, –
Нынче только лед,
Тишина.
Там, где солнца свет, –
Тишина.
Много долгих лет –
Тишина.
Как бы только мне, где царит зима,
Не сойти б с ума
В тишине...

Кораблик

Мой сон корабликом бумажным
По мутным ручейкам весны
Пускался в плаванье отважно,
Чтобы добраться до луны.

Его борта – листок тетради,
И парус – фантик от конфет.
По грязно-серой водной глади
Он уплывает в новый свет.
Его звезда – фонарь у дома.
Он, следуя ему, плывет
Туда, где, мне по снам знакома,
Его родная пристань ждет.
И радостно волна плескала,
И лился тихий лунный звон.
И закачался у причала
Мой маленький бумажный сон.

Два слова на память – остальное уже ни к чему,
Только сон по ночам продолжает тревожить и ранить,
Чужие слова я себе записала в вину,
Но хуже всего – то же самое сделала память.

Утро. Кофе. Сигарета.
Подоконник и тетрадь.
Что еще так рано делать,
Если не дают поспать?

Обмани эту ночь самой истинной ложью.
Перепиши мои сны до последней страницы –
Они не посмеют противиться. Боже!
Зачем мне сегодня хоть что-нибудь снится?

Это не боль

Это не боль, и не смерти печать –
Просто печаль.
Это не сон, мы не сходим с ума –
Просто зима...

Цель

Здесь скоро не будет свободных мест,
Не дрогнет ни чья рука,
Когда найдет европейский крест
Цель твоего виска...

Борис ГИЛЕВ

ПАРОДИИ

На Евгения ГРЕПА

По жизни бегу – вверх,
Уйти не могу – твердь...
И выбор один – твой,
Асфальт невредим – вой...

По жизни бегу – вбок,
Там кто-то стоит – Бог?
Нет, это всего лишь – мент,
Опять это наш клиент!

По жизни крадусь – вверх,
Оттуда бросаюсь – вниз,
Опять что-то твердое – ой!
Асфальт невредим – вой!

На Томь я пойду зимой,
А лед такой твердый – ой!
Бросаюсь на лед башкой,
А лед невредим – вой.

Зачем же я бьюсь головой,
Скорей бы попасть домой,
Чтоб водки залить в пасть
И накуриться – всласть.

А после с башкой дурной
Идти в свой «Контакт» родной,
Стихи там читать – свой хлеб,
Ну что ты разнылся, Греп?

На Дарью ОРШАНСКУЮ

Как все сложно
В этом мире!
Дважды два бывает пять.
Ну, а если вдруг четыре,
Нужно что-то объяснять...

Как все сложно, предположим,
Что пятерка равна единице,
Так отнимем же по тройке
От пятерки и кола
И получим на странице:
Два равнялось минус два.

Возведем в квадрат мы части,
Но сберечься от напасти
Не получится опять:
Вдруг получится четыре –
Нужно что-то объяснять.

Для блондинки тут загадка –
До летального конца.
А брюнетки – те хитрее,
Сразу спросят у отца.

Тот, скребя в своем затылке
И не отойдя от сна, скажет:
– Даш! А ты влюбилась.
А вокруг весна, весна...

На Яну ПЯТЕНКО

Душу мою жжет сильнее огня
Их кагор с кровавыми слезами...
И звучит молитва на латыни.

В храме

Все прошло: спирт, водка, самогон,
Спотыкач, горилка, бормотуха –
Их много так, что и конца не видно.
Ну что мне делать, пью один кагор,
Я пью кагор, а это так обидно.
У Саши Блока – все АИ, АИ.
У Саши Пушкина – шампунь,
Стругацкие же предпочли кефир –
А это так завидно.

Ален Делон не пьет одеколон,
Я пью его, а это так противно.
Во Франции – коньяк, шартрез и божоле,
В Гаване – ром и на Ямайке – тоже,
А у меня в серванте ничего, шаром кати,
А это так негоже.

К серванту подойду, достану пузырек,
Достану соль, и, чтоб не быть унылой,
Я на латыни богу помолюсь,
И соль лизну, и все запью текилой.

На Алексея НОСКОВА

Я так велик в объеме этого сортира...
Сейчас доем свой прошлогодний крекер...
И даже в путь от кухни до сортира...

Ну, я пошел, от кухни до сортира едва тащусь,
Меня ведут под руки.

Я не один, вокруг мои друзья.

Они меня уж взяли на поруки.

Друзья моих стихов не прочитали.

Что ни пишу, а все в итоге пусто.

Я так велик в объеме этого сортира,

Что голову печет от света люстры.

Из унитаза сквознячок приятный,

Как приглашенье: сядь, присядь, подумай.

И сяду, и пузырь допью, доем

Свой прошлогодний крекер,

Стихами подотрุษь и смою все.

И, озабочен матерьяльной думой,

Я смоюсь сам. На поиски судьбы

Не жалко электричества и водки.

Пусть ищет нас Чубайс, нас не найти,

Как водки не найти в моей дырявой глотке.

Как бы написали сказку «Курочка Ряба»

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Курочка Ряба

Расскажи нам, курочка рябая,

Где же ты сегодня ночевала,

Почему домой вернулась поздно,

Что от посторонних глаз скрывала.

Отвечала курочка рябая:
– Я снесла яичко не простое,
И лежит оно в пыли дорожной,
Золотом на солнышке сверкая.

Игорь СЕВЕРЯНИН

Мои стихи, мои шальные песни
Давным-давно нас развели с тобой.
Я все пою о стареньком насесте,
О петухе, о курочке рябой.

Пою о них, чтоб не ленились,
Пою о них, неслися чтоб.
О как несвежи золотые яйца
Моей страной мне брошенные в лоб.

Николай НЕКРАСОВ

Стоял сентябрь, осенний дождь,
Листва с деревьев опадала,
А на насесте в уголке
Рябая курочка рыдала.

Петух соседский голосистый,
Молодой задира и нахал,
Он обещал на ней жениться,
Злотые яйца обещал.

Она снесла: одно, другое – все простые.
Устав от этих горьких слез,
Сказала ей соседка-кура:
– Ей богу, что ты хнычешь, дура.
Хотя яички все простые,
Цыплята будут золотые.

Сергей МИХАЛКОВ

Басня

Он ушел от нее
К черной курице.
Рябая не смогла снести такое.
Рябая сделала аборт,
А ведь яйцо-то было золотое.

Сведения об авторах

АВДОНИНА (в замужестве – **Смирнова**) **Марина Владимировна** родилась 14 апреля 1971 г. в пос. Шушенское Красноярского края. С 1973 г. жила в Новокузнецке, закончила среднюю школу № 18. С 1998 по 1991 год училась в Томском политехническом институте на химическом факультете. В 1992 году уехала в Москву. С 1993 по 1995 (вечернее отделение) и с 1996 по 1998 год (дневное отделение) училась в Российском Государственном Гуманитарном Университете на факультете информатики. С 1996 года работала переводчиком-фрилансером в различных издательствах: "Центрполиграф", "Полярис", "ЭКСМО". В 2007–2008 годах работала в компании "Софтклуб" переводчиком компьютерных игр, участвовала в переводах игр "World of Warcraft" и "Warhammer".

В КЛФ "Контакт" с 1988 года. Ролевик. Один из организаторов ролевого движения в Новокузнецке Член томского КЛФ "Вероятность". Участвовала в создании томского КРИ "Эндор".

Первая публикация – стихотворение «Прощание у старта» – в газете «Сельская правда» 16 апреля 1988 года. В 2001 году клубом «Контакт» выпущен сборничек стихов Марины Авдониной «Песни иных миров» – первая авторская книжка КЛФ «Контакт».

АМЕЛИНА Анна Викторовна родилась 22 февраля 1980 года в Новокузнецке. В 1997 г. окончила гимназию с золотой медалью. В 2002 г. окончила юридический факультет Томского государственного университета. Долгое время работала в Новокузнецке адвокатом. С лета 2007 г. живет и работает в Санкт-Петербурге. В КЛФ «Контакт» пришла в 2004 г. Публиковалась в новокузнецких газетах. В январе 2005 г. в газете «Сельские вести» опубликована большая подборка ее стихов.

АНТОНОВ Василий Мустафович родился 11 мая 1990 года в Новокузнецке. Профессиональный колледж закончил в 2009 году. Временно безработный. В КЛФ «Контакт» пришел летом 2008 г. Ранее не публиковался.

БУРМИН Петр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В 1947 г. приехал в Новокузнецк вместе с родителями, которые завербовались на строительство КМК. С 1950 г. начал работать на КМК. Служил в армии, в погранвойсках. На пенсию вышел из строительной фирмы, где

работал художником-оформителем. В шестидесятых годах прошлого века у П. С. Бурмина было опубликовано до десятка стихотворений о детях и космосе. В семидесятые годы был на семинаре писателей по рекомендации Геннадия Емельянова – с повестью «SOS». Первая публикация фантастической прозы – глава из повести «Остров разума» – в газете «Сельские вести» 21 марта 2003 г. В КЛФ «Контакт» пришел в 2001 г.

ВЯЗЬМИН Артем Сергеевич родился 18 февраля 1993 года в Новокузнецке. Учится на первом курсе в профессиональном лицее № 21. В КЛФ «Контакт» пришел в 2008 году. Ранее не публиковался.

ГИЛЕВ Борис Михайлович родился 13 августа 1938 г. в г. Боготол Красноярского края. В 1962 г. закончил Свердловский медицинский институт. Долгое время работал главным врачом Новокузнецкой инфекционной больницы № 8. Преподает в медицинском училище. Организовывал и принимал участие в работе новокузнецких клубов «Коллекционер», «Книжник», «Филателист», «Диалог» и других. Организатор и долгое время – первый президент КЛФ «Контакт». Первая публикация – пародия на Ф. Карсака и А. и Б. Стругацких (в соавторстве с В. Колотвиным) – в газете «Твои проблемы» в апреле 1993 г.

ГОЛОВКОВ Александр Анатольевич (15 июня 1957 г., Новокузнецк – 30 января 1999 г., Новокузнецк). Закончил Новокузнецкий горномашиностроительный техникум в 1977 г. Около двадцати лет проработал на производстве. Затем ушел в журналистику. Сотрудничал со многими городскими газетами. В КЛФ «Контакт» пришел в 1980 г. Первая НФ-публикация – рассказ «Соседи» – в газете «Сельская правда» 12 июля 1983 г.

ДЕДКОВА Дарья Михайловна родилась 14 сентября 1991 года в Новокузнецке. Учится на факультете психологии Томского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в феврале 2006 года. Первая публикация – стихотворение «Кольцом, упавшим на ладонь...» – в газете «Кузнецкий рабочий» 1 декабря 2007 г.

ДУДАРЕНКО (до замужества – Рыжова) Ольга Сергеевна родилась 20 августа 1983 г. в Новокузнецке. Училась на факультете русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии, в Новокузнецком филиале Кемеровского государственного университета. В данное время работает специалистом-консультантом по ИС в фирме «Инфософт» города Томска. В КЛФ «Контакт» пришла в

сентябре 1999 г. Пишет стихи и прозу. Первая публикация – подборка стихов – в альманахе «Озарение» в 2001 г.

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института. За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – сотрудник культурно-образовательного центра Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя. Увлечения: фотография, видеосъемка, туризм, периодически – бег на длинные дистанции. В КЛФ «Контакт» пришел летом 2003 года. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года.

ЕГОРОВ Константин Кузьмич родился 13 февраля 1969 г. в Новокузнецке. Окончил Кузнецкий металлургический техникум. Работал журналистом в городских газетах, в библиотеке им. Н. В. Гоголя. Член творческой группы художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда. В КЛФ «Контакт» пришел в 1999 г. Первая публикация – новогодняя сказка «Как Кощей Бессмертный за снегом ходил» – в газете «Кузнецкий рабочий» 30 декабря 1997 г.

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета в 1989 г. Работала корреспондентом районной газеты «Красное знамя» Промышленновского района, инженером в «Запсибремонте», на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. Временно безработная. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. В московском издательстве «АСТ» вышли ее книги «Карты судьбы» (2007 г.) и «Прогулки по крышам» (2009 г.).

КОЛОТВИН Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в Новокузнецке. В 1981 г. закончил строительный техникум, затем служил в армии. Художник. Организовал творческую группу художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского

объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г. В КЛФ «Контакт» пришел в 1978 г. Пишет стихи и прозу. Прозу писал и самостоятельно, и в соавторстве. Первая публикация – юмореска из цикла «Из космических озарений» под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин) – в газете «Комсомолец Кузбасса» (Кемерово) 26 января 1980 г.

КОЛОТВИНА Марина Юрьевна родилась 7 ноября 1962 г. в Новокузнецке. Закончила новосибирскую физматшколу в 1980 г. Художник. Член творческой группы художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г. В КЛФ «Контакт» пришла в 1983 г. Первая публикация – стихотворение «Смешайте живую и мертвую воду...» – в газете «Сельская правда» 16 сентября 1989 г.

КОРТИК (КОРТАШОВ Владислав Олегович) родился 20 января 1991 года в Новокузнецке. Учится в профессиональном колледже на факультете информационных технологий. Создает клипы в жанре AMV (аниме мьюзик видео). Печатается впервые. В КЛФ «Контакт» пришел в 2008 году.

КУЗЬМИН Владимир Андреевич родился 18 января 1989 г. в Новокузнецке. Окончил школу в 2006 году. Работает. В КЛФ «Контакт» пришел в 2008 году. Ранее не публиковался.

НЕСТЕРЕНКО Олег Владимирович родился 12 ноября 1984 г. в Новокузнецке. Гимназию № 11 окончил с золотой медалью в 2002 г. Закончил в 2007 г. отделение романо-германской филологии филологического факультета Томского государственного университета. В данное время – преподаватель Томского госуниверситета. Учится в аспирантуре. В КЛФ «Контакт» пришел в сентябре 1999 г. Первая публикация – сказка из цикла «Сказки королевства Мелдор» «Тортик для эльфа» – была опубликована в газете "Губернские ведомости" 19 мая 2001 г.

ПЧЕЛКИН Константин Викторович родился 22 июня 1976 года в Новокузнецке. Закончил Сибирский государственный индустриальный университет в 1998 году. Работает в ООО «Запсибэнергоремонт» ведущим инженером-технологом по сварке. В КЛФ «Контакт» пришел в сентябре 1992 года. Активный ролевик. Первая публикация – стихотворение «Скрипит перо...» – в газете «Кузнецкий рабочий»

ПЯТЕНКО Яна Викторовна родилась 8 ноября 1991 года в г. Осинники Кемеровской области. В Новокузнецке живет с 11 лет. Учится на втором курсе факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришла 1 сентября 2007 года. Первая публикация – авторский сборник стихов «Я хочу в закате раствориться» (Новокузнецк, 2008), изданный к 30-летию КЛФ «Контакт».

РЫЖКОВА Дарья Викторовна родилась 6 января 1988 года в г. Осинники. Учится на гуманитарном факультете НФ КемГУ. В КЛФ «Контакт» пришла в 2002 году. Первая публикация – рассказ «Напрасная жертва» – в журнале «Запасный выход» в сентябре 2009 г.

ЧЕРНЫШОВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ "Контакт" с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза «Контакта» (Новокузнецк, 2004).

ШАМАХАНОВА Екатерина Юрьевна родилась 25 июля 1969 года в г. Горьком (ныне – Нижний Новгород). В школу пошла во Владивостоке. В Новокузнецк приехала в 1979 г. Закончила факультет иностранных языков Новокузнецкого педагогического института. Работала учителем английского языка в новокузнецких школах NN 12 и 91. С 1996 г. живет в Екатеринбурге, работает в художественном училище им. И. Д. Шадра. В КЛФ «Контакт» пришла в 1992 г. после прочтения «Хранителей» Дж. Р. Р. Толкина. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – статья «О чем говорит «Властелин колец» – в газете «Твои проблемы» в апреле 1993 г. В 1994 г. журнал «Уральский следопыт» опубликовал статью Е. Шамахановой «Зачем человеку кольчуга: (Ролевые игры с точки зрения толкиениста)».

ШИШКИНА Надежда Владимировна родилась 22 сентября 1989 года в Новокузнецке. Закончила школу № 4 в 2009 году. Временно не работает. В КЛФ «Контакт» пришла в июне 2007 года. Первая публикация в поэтическом сборнике «Попроси у неба крылья», выпущенном к 30-летию КЛФ «Контакт» в 2008 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Марина АВДОНИНА	3
Анна АМЕЛИНА	14
Василий АНТОНОВ	19
Петр БУРМИН	20
Артем ВЯЗЬМИН	26
Александр ГОЛОВКОВ	27
Дарья ДЕДКОВА	29
Ольга ДУДАРЕНКО	32
Сергей ЗАГНУХИН	37
Константин ЕГОРОВ	39
Наталья КОЛЕСОВА	42
Валерий КОЛОТВИН	44
Марина КОЛОТВИНА	49
КОРТИК	54
Влад КУЗЬМИН	55
Олег НЕСТЕРЕНКО	56
Константин ПЧЕЛКИН	61
Яна ПЯТЕНКО	64
Дарья РЫЖКОВА	70
Анна ЧЕРНЫШОВА	76
Екатерина ШАМАХАНОВА	86
Надежда ШИШКИНА	90
Борис ГИЛЕВ	98
Сведения об авторах	102

Тираж 150 экз.